

Научная статья

УДК 343.35

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.010

Ошибки законодательной техники в построении состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЖИТКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, zhitkoff2015@yandex.ru

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕПЕЛЬ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vladimir.shepel77@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения уголовно-правовых норм о посягательствах на сотрудников уголовно-исполнительной системы в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Даны уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 295, 313, 317, 321 УК РФ, анализ судебной практики по ст. 321 УК РФ («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») и указанного состава преступления с точки зрения юридической техники. Высказаны предложения по разрешению имеющихся проблем. Акцентируется внимание на вопросе установления возраста уголовной ответственности по анализируемым составам преступлений. Внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; сотрудник; посягательство; дезорганизация; учреждение изоляции от общества; насилие; возраст уголовной ответственности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Житков А. А., Шепель В. В. Ошибки законодательной техники в построении состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 84–91. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.010.

Original article

Drawbacks of Legislative Technique in the Construction of the Corpus Delicti Provided for in Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation

ALEKSEI A. ZHITKOV

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, zhitkoff2015@yandex.ru

© Житков А. А., Шепель В. В., 2024

VLADIMIR V. SHEPEL'

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, vladimir.shepel77@gmail.com

Abstract. The article deals with problems of applying criminal law norms on encroachments on penal system employees in connection with their official activities. The criminal law characteristics of crimes provided for in Articles 295, 313, 317, 321 of the Criminal Code of the Russian Federation are given and judicial practice under Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Disorganization of the activities of institutions providing isolation from society") and the specified corpus delicti from the point of view of legal technique. The article presents proposals to resolve the existing problems. Attention is focused on the issue of establishing the age of criminal liability for the analyzed crimes. Proposals are made to improve criminal legislation on the issue under study.

Key words: penal system; employee; encroachment; disorganization; institution of isolation from society; violence; criminal liability age.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Zhitkov A.A., Shepel' V.V. Drawbacks of legislative technique in the construction of the corpus delicti provided for in Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 84–91. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.010.

Деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, зависит от различных факторов. Одним из показателей ее эффективности, как справедливо отмечается в научной литературе, выступает уровень рецидивной преступности, который за последние годы остается высоким [1, с. 289; 2].

В течение последних лет на фоне гуманизации уголовного законодательства сохраняется тенденция к уменьшению численности осужденных, находящихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Так, на 01.01.2017 в исправительных учреждениях (кроме ВК, тюрем, СИЗО, ПФРСИ) отбывал наказания 519 491 осужденный [3, с. 6], на 01.01.2018 – 495 016 [4, с. 6], на 01.01.2019 – 460 923 [5, с. 5], на 01.01.2020 – 423 825 [6, с. 5], на 01.01.2021 – 478 182 [7, с. 5]. По состоянию на 01.01.2023 количество осужденных в исправительных учреждениях ФСИН России составило 433 006 чел. [8].

Однако при ежегодном сокращении численности осужденных в местах лишения свободы качественные характеристики таких лиц меняются не в лучшую сторону, поскольку в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, концентрируются лица, осужденные к длительным срокам лишения свободы за наиболее тяжкие, дерзкие, часто насильственные преступления, придерживающиеся правил тюремной субкультуры.

Это является одной из причин ежегодного роста посягательств на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Так, в 2017 г. было выявлено 174 случая [9, с. 39] применения насилия в отношении персонала учреждений ФСИН России, в 2021 г. – 436 [10, с. 67].

Данная ситуация обуславливает актуальность поиска новых мер, в том числе уголовно-правового характера, ориентированных на укрепление правопорядка в сфере исполнения уголовных наказаний.

Жизнь и здоровье сотрудника уголовно-исполнительной системы при исполнении им служебных полномочий охраняются как общими уголовно-правовыми нормами, предусмотренными гл. 16 УК РФ, так и специальными – ст. 313 УК РФ («Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»), ст. 314 УК РФ («Уклонение от отбывания огра-

ничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера», ст. 317 УК РФ («Посягательство на жизнь сотрудник правоохранительного органа»), ст. 318 УК РФ («Применение насилия в отношении представителя власти»), ст. 319 УК РФ («Оскорбление представителя власти»), ст. 321 УК РФ («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») и др.

В перечисленных составах только в диспозиции ст. 321 УК РФ конкретно указан сотрудник уголовно-исполнительной системы как один из потенциальных потерпевших. Поэтому данная норма, предусматривающая ответственность за применение насилия в отношении осужденного (ч. 1 ст. 321 УК РФ), сотрудника места лишения свободы или содержания под стражей или его близких (ч. 2 ст. 321 УК РФ), совершенное организованной группой или с применением насилия, опасного для жизни или здоровья всех указанных лиц (ч. 3 ст. 321 УК РФ), представляет особый интерес в рамках данного исследования.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в большинстве случаев действия лиц в рамках ст. 321 УК РФ связаны с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, со стороны осужденных в отношении сотрудников исправительных учреждений в связи с осуществлением им служебной деятельности и квалифицированы по ч. 2 комментируемой нормы [11].

Анализ ст. 321 УК РФ показал, что конструкция и содержание имеют существенные недостатки. В частности, ключевое понятие «дезорганизация» в рассматриваемой норме имеет место быть только в названии статьи и, к сожалению, не раскрыто в ее диспозиции. Данное положение вносит теоретическую неопределенность, создавая сложности реализации уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений.

Термин «дезорганизация» многими отечественными лингвистами определяется сходно. Так, согласно словарю С. И. Ожегова, «дезорганизация» – это нарушение порядка, дисциплины, организованности [12]. Подобной точки зрения придерживается и Д. Н. Ушаков, в словаре которого дезорганизация трактуется как «разрушение, расстройство порядка в налаженном деле, предприятии, работе» [13].

Важно подчеркнуть, что термин «дезорганизация» напрямую связан с понятием «организации», точнее выступает его антитезой.

Исходя из толкования дезорганизации как нарушения нормального порядка деятельности организации, стоит понимать и дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Отсутствие в диспозиции ст. 321 УК РФ четкого определения признаков дезорганизации (как общественно опасного деяния или общественно опасных последствий), а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по указанному вопросу приводит к тому, что судебная практика по анализируемой норме складывается неоднозначно.

Суды, квалифицируя действия подсудимых по ст. 321 УК РФ, сталкиваются с проблемой применения понятия «дезорганизация» либо как признака объективной стороны, характеризующего деяние или последствия, либо субъективной стороны как мотив или цель посягательства.

Так, в одном из кассационных определений Верховный Суд Российской Федерации указал о том, что мотивом примененного насилия в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы «должно являться стремление виновного к дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества» [14]. То есть фактически суд определил, что дезорганизация деятельности учреждения – это цель такого преступления.

Следовательно, при реализации указанной цели дезорганизация с объективной стороны выступает в качестве преступного результата, то есть общественно опасного последствия.

Анализ судебных решений показывает, что суды чаще всего термин «дезорганизация» применяют как синоним насильственных действий и угроз таких действий, используя их при описании общественно опасного деяния, определяя это как цель преступного посягательства.

Так, в приговоре Шекснинского районного суда Вологодской области от 03.09.2023 по уголовному делу №1-104/2019 в описательной части указано: «Подсудимый Г. выразил угрозу применения насилия в отношении сотрудников места лишения свободы, а также применил насилие, не опасное для жизни и здоровья, в отношении сотрудника места лишения свободы в связи с осуществлением ими служебной деятельности, чем дезорганизовал деятельность учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества» [15]. Таким образом, суд применяет термин «дезорганизация» при описании признаков объективной стороны, как общественно опасного деяния, так и общественно опасных последствий. Продолжая описывать действия подсудимых, суд инкриминирует им дезорганизацию как цель указанного преступления. При этом в приговоре отсутствует указание на достижение этой цели. По содержанию описательной части усматривается, что цель дезорганизации учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, достигнута путем угроз применения насилия и примененным насилием со стороны осужденных по отношению к сотрудникам исправительного учреждения. Можно сделать вывод о том, что суд термин «дезорганизация» применяет как синоним насилию и угрозе применения насилия, то есть использует его при описании деяния.

Такова позиция и Верховного Суда Российской Федерации, который в одном из своих решений указал, что «применение насилия в отношении осужденного из мести за оказание им содействия администрации исправительного учреждения является дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» [16].

Процентное соотношение отнесения судами дезорганизации и к объективным, и к субъективным признакам подтверждает правовую неопределенность указанного понятия и порождает неоднозначную судебную практику.

Однако дезорганизацию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в общепринятом понимании этого термина может повлечь не только применение насилия, но и иные противоправные действия. На практике возможны попытки дезорганизации деятельности учреждения без применения насилия, например выведение из строя объектов, обеспечивающих функционирование учреждения (электроустановок, устройств водоснабжения, отопления и т. п.), массовые неповиновения лиц, содержащихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, массовые беспорядки без применения насилия, совершение побега. Также важно понимать, что не каждое насилие в отношении осужденного, сотрудника или их близких влечет за собой дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Хотя подобное поведение со стороны осужденных, лиц, содержащихся под стражей, или иных лиц, несомненно, может создать предпосылки для возникновения ситуации, влекущей за собой дезорганизацию деятельности пенитенциарных учреждений. Считаем, что диспозиция ст. 321 УК РФ должна в обязательном порядке содержать перечень признаков дезорганизации, включая как насильственные, так и ненасильственные действия. При этом такие деяния должны совершаться с целью дезорганизовать деятельность исправительного учреждения.

Например, как это сделано при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ «Диверсия». В обозначенной норме, как и в ст. 321 УК РФ, термин «диверсия» указан только в названии статьи, однако в диспозиции полностью раскрыты признаки такого деяния, а именно: совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Описанное в диспозиции статьи деяние полностью отражает общепринятое понятие диверсии. Поэтому проблем при квалификации таких деяний в судебной практике обычно не возникает.

Не совсем понятна позиция законодателя по вопросу установления возраста уголовной ответственности за анализируемые деяния.

Определяя возраст уголовной ответственности за конкретное преступление, законодатель исходит из того, что до достижения такого возраста лицо не может осознавать характера совершаемого деяния и его общественной опасности в силу своих возрастных и психоэмоциональных особенностей.

Следует констатировать, что уголовная ответственность по ст. 321 УК РФ ограничивается шестнадцатилетним возрастом. Хотя за ряд преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность наступает с 14 лет. Логично, что в воспитательных колониях находится достаточное количество лиц в возрасте от 14 до 16 лет, зачастую совершивших насильственные преступления, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких. Такие лица прекрасно понимают, в каком учреждении они находятся, суть деятельности такого учреждения и статус сотрудников уголовно-исполнительной системы. Парадоксом является ситуация, когда несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет, отбывая наказание, например, за преступление, предусмотренное ст. 112 УК РФ, применяет насилие в отношении сотрудника учреждения, в котором он отбывает наказание, причиняет средней тяжести вред здоровью и не подлежит ответственности по ст. 321 УК РФ, поскольку, по мнению законодателя, он не осознает характера и общественной опасности совершаемого деяния. Более нелепо указанный случай будет выглядеть, если несовершеннолетний был осужден по п. "б" ч. 2 ст. 112 УК РФ, то есть умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, например того же сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Также встает вопрос и при анализе возраста уголовной ответственности за совершение побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, определенного законодателем как 16 лет.

Аналогичные пробелы существуют и в ряде других насильственных преступлений в отношении потерпевших, наделенных специальным статусом.

Так, ответственность за посягательство на государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) наступает с 14 лет, а на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), а также сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), к которым в том числе относится и сотрудник уголовно-исполнительной системы, – с 16 лет. Хотя логично предположить, что несовершеннолетнему в возрасте от 14 до 16 лет более понятно, что перед ним, например, дознаватель, следователь, прокурор или судья, которые занимаются расследованием и рассмотрением возбужденного в отношении его уголовного дела, а также сотрудник правоохранительного органа (полиции,

уголовно-исполнительной системы, военнослужащий и т. д.), который чаще всего несет службу в форменном обмундировании со знаками отличия, либо государственный, общественные деятель, определить которого можно только по реализуемой деятельности без внешней идентификации.

Таким образом, целесообразно изменение содержания диспозиции ст. 321 УК РФ в части раскрытия термина «дезорганизация» с закреплением соответствующих признаков данного деяния, а также ст. 20 УК РФ в части включения в установленный перечень составов преступлений, за которые предусмотрена ответственность с четырнадцатилетнего возраста, – ст. 295, 313, 317, 321 УК РФ. Данные изменения станут залогом комплексного решения вопросов уголовно-правовой защиты представителей правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы, и позволят устранить разночтения в рамках правоприменительной практики по рассматриваемой правовой норме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стяжкина С. А. Деорганизация учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 3. С. 289–296.
2. Кириловский О. В., Мельникова Н. А. Порядок применения мер безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких // *Ius Publicum et Privatum*. 2019. № 1 (3). С. 33–36.
3. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь–декабрь 2016 г. : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017.
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2018 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2019.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2019 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2020.
7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2020 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2021.
8. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/index.php> (дата обращения 31.08.2023).
9. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2016 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017.
10. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2020 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2021.
11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdper.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.08.2023).
12. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 31.08.2023).
13. Деорганизация. URL: <https://glosum.ru> (дата обращения: 31.08.2023).
14. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2011 по делу № 44-О11-17. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. Официальный сайт Шекснинского районного суда Вологодской области. URL: https://sheksninsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=46214508&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 31.08.2023).
16. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.07.2010 по делу № 48-010-78. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

REFERENCES

1. Styazhkina S.A. Disorganization of the institutions providing the isolation from society: the criminal law aspect. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*, 2020, vol. 3, pp. 289–296. (In Russ.).
2. Kirilovskii O.V., Mel'nikova N.A. Poryadok primeneniya mer bezopasnosti v otnoshenii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy i ikh blizkikh. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2019, no. 1 (3), pp. 33–36. (In Russ.).
3. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2016 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2016): information analytical collection]. Tver, 2017.
4. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2017 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2017): information analytical collection]. Tver, 2018.
5. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2018 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2018): information analytical collection]. Tver, 2019.
6. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2019 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2019): information analytical collection]. Tver, 2020.
7. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2020 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2020): information analytical collection]. Tver, 2021.
8. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy* [Brief description of the penal system]. Available at: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/index.php> (accessed August 31, 2023).
9. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2016 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2016): information analytical collection]. Tver, 2017.
10. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2020 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2020): information analytical collection]. Tver, 2021.
11. *Ofitsial'nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed August 31, 2023).
12. *Tolkovyi slovar' Ozhegova* [Ozhegov's explanatory dictionary]. Available at: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed August 31, 2023).
13. *Dezorganizatsiya* [Disorganization]. Available at: <https://glosum.ru> (accessed August 31, 2023).
14. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2011 in case No. 44-O11-17. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Garant"* [Access from the Garant reference legal system]. (In Russ.).
15. *Ofitsial'nyi sait Sheksninskogo raionnogo suda Vologodskoi oblasti* [Official website of the Sheksninsky District Court of the Vologda Oblast]. Available at: https://sheksninsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=46214508&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed August 31, 2023).
16. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/29/2010 in case No. 48-010-78. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Garant"* [Access from the Garant reference legal system]. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЖИТКОВ – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, zhitkoff2015@yandex.ru

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕПЕЛЬ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vladimir.shepel77@gmail.com

ALEKSEI A. ZHITKOV – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, zhitkoff2015@yandex.ru

VLADIMIR V. SHEPEL' – Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, vladimir.shepel77@gmail.com

Статья поступила 20.11.2023

Научная статья

УДК 340:101

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.011

К вопросу о существовании условно аксиоматических положений в УК РФ

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ КАБАНОВ

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

Аннотация. В статье ставится вопрос о существовании в Уголовном кодексе Российской Федерации таких положений, которые можно отнести к разряду условно аксиоматических. Приводится анализ утверждений о том, что «более опасные деяния должны наказываться более строго», «преступление с квалифицирующими признаками обладает повышенной общественной опасностью», «общественная опасность лица, совершившего преступление при административной преюдиции, увеличивается», в результате чего устанавливается, что данные положения являются условно аксиоматическими в силу ограниченной сферы действия (распространяются лишь на конкретные составы преступлений). Делается вывод о существовании в УК РФ условно аксиоматических положений.

Ключевые слова: аксиомы; правовые аксиомы; уголовно-правовые аксиомы; условно аксиоматические положения; презумпции; фикции.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кабанов В. М. К вопросу о существовании условно аксиоматических положений в УК РФ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 92–96. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.011.

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00042.

Original article

Discussing Existence of Conditionally Axiomatic Provisions in the Criminal Code of the Russian Federation

VYACHESLAV M. KABANOV

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

Abstract. The article discusses existence of provisions in the Criminal Code of the Russian Federation that can be classified as conditionally axiomatic. So, statements, such as “more dangerous acts should be punished more severely”, “a crime with qualifying signs has an increased public danger”, “public danger of a person

who has committed a crime under administrative prejudice increases”, are analyzed. It is found out that these provisions are conditionally axiomatic due to their limited scope (they apply only to specific elements of crimes). The conclusion is made about the existence of conditionally axiomatic provisions in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: axioms; legal axioms; criminal law axioms; conditionally axiomatic provisions; presumptions; fictions.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kabanov V.M. Discussing existence of conditionally axiomatic provisions in the Criminal Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 92–96. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.011.

The publication is prepared within the framework of the RFBR grant No. 20-011-00042.

Под правовыми аксиомами, как правило, подразумеваются положения юридической науки, сформированные в результате обобщения многовекового опыта правового регулирования общественных отношений, которые можно раскрыть через нормы права, закрепленные в законодательстве [1, с. 30–32]. Следовательно, под аксиомой уголовного права необходимо понимать основополагающее положение, каким-либо образом (прямо или косвенно) закрепленное в нормах уголовного права, подтвержденное общественно-исторической практикой и поэтому не нуждающееся в обосновании.

Однако анализ отдельных положений УК РФ, на первый взгляд являющихся аксиоматическими, выявил наличие некоторых исключений, обусловленных усеченной сферой их применения.

Разберем вышесказанное на конкретных примерах. Так, А. И. Экимов рассматривал положение «более опасные деяния должны наказываться более строго» в качестве аксиомы [2, с. 135]. Думается, что сегодня данная мысль нуждается в уточнении. Например, преступление против жизни – убийство – является одним из наиболее тяжких посягательств. Суровая уголовная ответственность за указанное деяние существовала в законодательстве всегда. Еще во времена Русской Правды за убийство допускалась кровная месть, а в Артикуле воинском Петра I – смертная казнь [3, с. 100–101]. Сегодня в ч. 2 ст. 105 УК РФ содержатся самые суровые наказания (лишение свободы на срок до 20 лет, пожизненное лишение свободы, смертная казнь), однако, применив ст. 64 УК РФ, можно выйти за пределы указанной санкции и назначить более мягкое наказание.

Аналогичная картина наблюдается и в другом примере. В частности, утверждение о том, что разбой более опасен, чем кража, может быть опровергнуто как конкретными обстоятельствами дела, позволяющими назначить за разбой более мягкое наказание, чем за кражу (например, санкции ч. 1, 2 ст. 162 весьма широки и не предусматривают нижнего предела), так и путем применения ст. 64 УК РФ.

Если говорить о таком преступлении, как террористический акт (ст. 205 УК РФ), то положение о том, что данное деяние является наиболее опасным преступлением и потому строго наказуемым, представляется аксиоматическим. Во-первых, данное деяние относится к категории особо тяжких преступлений, что подразумевает под собой наиболее строгое наказание. Во-вторых, санкция статьи предусматривает нижний предел, а само наказание не подлежит смягчению на основании ст. 64 УК РФ (ч. 3 ст. 64 УК РФ). В-третьих, согласно

ч. 5 ст. 56 УК РФ, если это преступление входит в совокупность преступлений или приговоров, то устанавливаются повышенные максимальные сроки лишения свободы – 30 и 35 лет соответственно. В-четвертых, согласно ч. 2.1 ст. 58 УК РФ отбывание части срока наказания назначается в тюрьме. В-пятых, положение о сокращенном сроке наказания, предусмотренное ч. 1 ст. 62 УК РФ, в таком случае не подлежит применению, а наказание назначается в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ (ч. 3 ст. 62 УК РФ). В-шестых, о повышенной общественной опасности таких деяний свидетельствует тот факт, что согласно ч. 5 ст. 78, ч. 4 ст. 83 УК РФ сроки давности не применимы. В-седьмых, согласно ч. 1 ст. 82 УК РФ отсрочка отбывания наказания в таком случае не предоставляется. То же самое касается деяний, предусмотренных ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277–279 и 361 УК РФ.

Из вышеуказанного следует, что положение о том, что «более опасные преступления влекут более строгое наказание», является аксиоматичным только лишь в отношении конкретных видов преступлений (в частности, ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277–279 и 361 УК РФ), что позволяет отнести его к категории условно аксиоматичных.

Положение о том, что «преступление с квалифицирующими признаками обладает повышенной общественной опасностью» имеет схожую природу. В данном случае следует вести речь о двух видах опасности – отраженной законодателем в санкции статьи Особенной части УК РФ и об опасности конкретно совершенного преступления. Во-первых, анализ санкций статей Особенной части УК РФ, в которых устанавливаются наказания за преступления с квалифицирующими признаками, позволяет говорить о том, что такие деяния по мнению законодателя действительно более опасны, чем аналогичные преступления без квалифицирующих признаков. Так, Л. Л. Кругликов, Ю. Г. Зуев считают, что данное положение является презумпцией. Они указывают на то, что законодатель отбирает обстоятельства, которые влияют на увеличение как общественной опасности, так и санкции, но не в каждом случае они обязательно влияют на степень опасности, поэтому правотворец предусматривает как широкие пределы санкций, так и возможность применения положений ст. 64 УК РФ [4, с. 268]. Думается, что с этим положением следует согласиться. Если говорить не о составе преступления, а о самом преступлении, то действительно не всегда те квалифицирующие признаки, которые указаны в законе, свидетельствуют о повышенной общественной опасности. Приведем пример. Федеральным законом от 30.12.2020 № 543-ФЗ в ст. 213 УК РФ были внесены изменения, согласно которым признак «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» стал квалифицирующим. Сегодня, например, хулиганские действия, совершенные агрессивным лицом без использования оружия, в том случае, если лицо, исходя из внешних признаков может оказать сопротивление, показать владение специальными навыками (и без иных признаков, указанных в ч. 2, 3 ст. 213 УК РФ), будут наказываться по ч. 1, а действия лица, который применил незаряженное, неисправное, непригодное, декоративное или сувенирное оружие и объективно вел себя не так агрессивно, наказываются по ч. 2 (п. «а» ч. 1 в предыдущей редакции статьи) [5]. Думается, что во втором случае само деяние является менее общественно опасным. И на такие ситуации рассчитаны широкие санкции. Так, в санкции ч. 2 предусматривается лишение свободы на срок до семи лет, а в ч. 1 – на срок до пяти лет, то есть одна санкция полностью перекрывает другую. Иначе говоря, за квалифицированное хулиганство лицу могут назначить и два месяца лишения свободы, а за простое – пять лет, все будет зависеть от конкретных обстоятельств, а также от личности виновного. Кроме того, указанное положение может быть опровергнуто применением, например, ст. 64 УК РФ, то есть на-

значением более мягкого наказания, отражающего пониженную опасность указанного деяния. В рассматриваемом случае все факты указывают на то, что данное положение является презумпцией. Однако в отношении ряда квалифицированных составов преступлений (ч. 2, 3 ст. 205, ч. 2 ст. 205.1, ч. 2 ст. 205.2, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 211, ч. 2 ст. 360 и ч. 3 ст. 361 УК РФ) положения ст. 64 УК РФ, позволяющей назначить наказание ниже низшего предела, не применимы (ч. 3 ст. 64 УК РФ). Кроме того, санкция за совершение преступления с квалифицирующими признаками в данном случае имеет низший предел, который является более суровым по отношению к основному составу. Но и в этом случае положение о том, что «преступление с квалифицирующими признаками обладает повышенной общественной опасностью» будет являться аксиоматичным только в отношении двух квалифицированных составов преступлений (ч. 4 ст. 206 и ч. 4 ст. 211 УК РФ), так как во всех остальных случаях верхний предел санкции основного состава преступления выше нижнего или равен нижнему пределу санкции квалифицированного состава, что позволяет назначить более суровое или равное наказание за совершение неквалифицированного преступления. Так, например, верхний предел санкции за совершение неквалифицированного террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) составляет 15 лет лишения свободы, что соответствует нижнему пределу санкции квалифицированного состава (ч. 3 ст. 205 УК РФ) и дает возможность назначить равное наказание за их совершение. В свою очередь максимальное наказание за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ч. 1 ст. 360 УК РФ), составляет шесть лет лишения свободы, что позволяет назначить наказание за совершение основного преступления выше, чем за квалифицированное (ч. 2 ст. 360 УК РФ предусматривает наказание от пяти до десяти лет лишения свободы).

Таким образом, рассматриваемое положение также можно отнести к разряду условно аксиоматичных, так как оно действует лишь в отношении квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 206 и ч. 4 ст. 211 УК РФ.

Сегодня в УК РФ имеет место положение об увеличении общественной опасности личности лица, совершившего преступление при административной преюдиции. Так, при наличии признака административной преюдиции постулируется, что общественная опасность лиц, совершивших административное правонарушение, за которое они были привлечены к административной ответственности (подвергнуты административному наказанию), и повторно в течение определенного срока совершивших аналогичное деяние, возрастает. Повторение ими деяния свидетельствует о том, что административно-деликтные меры не оказали должного влияния и их повторное применение уже нецелесообразно, поскольку лицо проявляет свою антиобщественную направленность, «сформировался стойкий стереотип противоправного поведения» [6, с. 52]. Сегодня преступления с административной преюдицией предусмотрены в ст. 116.1, 151.2, 157, 158.1, 171.4, 171.5, 180, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 201.2, 201.3, 212.1.1, ч. 1 ст. 215.3, ч. 1 ст. 215.4, ч. 2 ст. 255, 264.1, ч. 1 ст. 264.2, ч. 1 ст. 264.3, ст. 274.2, ч. 1 ст. 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282, ст. 282.4, ч. 1 ст. 284.1, 284.2, ч. 1 ст. 285.5, 285.6, ч. 2 ст. 314.1, ч. 1 ст. 315, ч. 1, 2 ст. 330.1 УК РФ. Однако данное положение также является аксиоматичным только по отношению к определенным составам преступлений. В иных случаях факт привлечения лица к административной ответственности при повторном совершении аналогичного деяния не образует состава преступления.

Следует обратить внимание и на то, что в данном положении находит отражение фикция, согласно которой речь идет о повышении общественной опасности лица только в течение определенного периода времени, который начинается с момента вынесения лицу административного наказания (ст. 4.6 КоАП РФ), если же срок истек, а лицо совершило аналогичное деяние за его пределами, то административная преюдиция отсутствует.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в УК РФ так называемых «условно аксиоматических положений». Данные положения отличаются от полноценных аксиом усеченной сферой действия и не являются презумпциями, так как в отличие от последних они при определенных условиях являются истинными и не подлежат доказыванию, презумпция же всегда выступает лишь в качестве предположения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манов Г. Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 29–36.
2. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. 134 с.
3. Кабурнеев Э. В. Развитие законодательства об ответственности за убийство // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 99–106.
4. Кругликов Л. Л., Зуев Ю. Г. О презумпциях как технико-юридическом средстве в уголовном праве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 265–271.
5. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.11.2007. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Иванчин А. В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53.

REFERENCES

1. Manov G.N. Axioms in the Soviet theory of law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*, 1986, no. 9, pp. 29–36. (In Russ.).
2. Ekimov A.I. *Interesy i pravo v sotsialisticheskom obshchestve* [Interests and law in a socialist society]. Leningrad, 1984. 134 p.
3. Kaburneev E.V. Development of legislation on responsibility for murder. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 7, pp. 99–106. (In Russ.).
4. Kruglikov L.L., Zuev Yu.G. On presumptions as a technical and legal means in criminal law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2010, no. 4, pp. 265–271. (In Russ.).
5. On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed with hooligan motives: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2007. *Dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus legal reference system].
6. Ivanchin A.V. On the benefits of reasonable use of administrative prejudice in criminal law (in connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 10, 2017 No. 2-P). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 50–53. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ КАБАНОВ – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

VYACHESLAV M. KABANOV – Postgraduate Student at the Department of Criminal Law and Criminology of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, slavakoban1001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5220-5890>

Статья поступила 27.11.2023

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.012

Проблемы уголовно-правовой охраны персональных данных в сети «Интернет»

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КОРНИЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, tatyana_vladi21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

ЕГОР ОЛЕГОВИЧ ЛАПЕНКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Аннотация. В статье рассматриваются понятия персональных данных и личной информации пользователей сайтов в сети Интернет, а также поднимается проблема защиты этих данных, раскрываются существующие угрозы и пути их реализации, в том числе с помощью ужесточения уголовно-правовой ответственности. Анализируется международное и национальное законодательство, предлагаются возможные способы блокировки доступа третьих лиц к персональным данным онлайн-ресурсов.

Ключевые слова: персональные данные; уголовно-правовая защита персональных данных; информация; личная информация; сеть Интернет.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Корнилова Т. В., Лапенков Е. О. Проблемы уголовно-правовой охраны персональных данных в сети «Интернет» // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 1 (25). С. 97–102. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.012.

Original article

Problems of Criminal Law Protection of Personal Data on the Internet

TAT'YANA V. KORNILOVA

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, tatyana_vladi21@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

EGOR O. LAPENKOV

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, egorlapenkov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Abstract. The article considers the concept of personal data and personal information of Internet users, as well as raises the problem of protecting this data, reveals existing threats and ways to implement them, including by tightening criminal liability. International and national legislation is analyzed, and possible ways to block third-party access to personal data of online resources are proposed.

Keywords: personal data; criminal law protection of personal data; information; personal information; the Internet.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kornilova T.V., Lapenkov E.O. Problems of criminal law protection of personal data on the Internet. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 97–102. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.012.

В условиях повсеместной цифровизации, а также совершенствования правовых систем появляются инновационные технологии, в том числе и в правовой сфере. Одним из молодых правовых институтов в Российской Федерации стал институт персональных данных. Впервые право на неприкосновенность частной жизни как самостоятельное право было сформулировано в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. В 2000 г. в Совете Безопасности Российской Федерации была сформирована рабочая группа по подготовке проекта принятого впоследствии Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [1].

Как любое нововведение в правовой отрасли, данный институт содержал в себе ряд неурегулированных вопросов. В частности, любое действие пользователей в сети Интернет имеет определенные риски, но применительно к персональным данным граждан Российской Федерации эти риски наиболее велики, поскольку представляют личную тайну и охраняются законодательством. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» относит персональные данные к конфиденциальной информации. Однако случаи хищения такой информации нередки. Так, только в 2020 г. было выявлено более десяти случаев масштабных краж личной информации участников различных организаций. Например, на продажу были выставлены персональные данные россиян, которые оформляли микрозаймы в 2017–2019 гг. В базе содержалось 12 млн записей с паспортными данными, телефонами и сведениями об электронных кошельках [2].

В связи с этим актуальность уголовно-правовой защиты персональных данных в сети Интернет в условиях постоянно совершенствующейся информационной сферы невероятно велика. Необходимо не только быстро реагировать на возникающие угрозы, но и быть на шаг впереди, чтобы защитить информацию пользователей от возможных угроз.

Прежде чем перейти к рассмотрению основной проблемы – защите персональных данных в сети Интернет – следует проанализировать данное понятие, а также определить, какая именно информация подпадает под рассматриваемую категорию.

Согласно Федеральному закону «О персональных данных», персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Следует отметить, что данное понятие сформулировано очень широко, отсутствуют конкретизирующие положения или примеры, что создает сложности правоприменения не только для граждан, но и опытных юристов. К слову, одна из предыдущих редакций закона содержала более конкретизированный пере-

чень сведений, относящихся к данной категории, а именно: фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация.

Следует подчеркнуть, что такое широкое определение содержится и в международно-правовых документах. Например, ст. 2 Конвенции Совета Европы от 28.01.1981 № 108 «О защите индивидуумов (частных лиц) при автоматизированной обработке персональных данных» содержит следующее определение персональных данных: персональные данные означают любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице («субъект данных»).

Такое широкое толкование имеет смысл, так как дает основание индивидуализации данного правового института к конкретным задачам в той или иной области его применения. Вместе с тем это же становится некой проблемой для правоприменителей и граждан. Не существует полного перечня информации, которая относится к понятию персональных данных, что вызывает определенные коллизии норм права и сложности для людей, которые пытаются сохранить личные данные о себе, что, как отмечает А. Г. Мираев, не позволяет сделать вывод о том, какая именно информация будет относиться к персональным данным [3, с. 77].

В сложившейся ситуации наиболее предпочтительным видится вариант применения ряда ограничительных принципов, что позволит интерпретировать конкретную информацию как персональные данные. Это в свою очередь позволит пользователям и обладателям личной информации определить границы ее использования и передачи другим лицам, а также правильно применять нормы российского законодательства о защите и охране персональных данных.

Несмотря на имеющиеся пробелы и недостатки в области определения информации, относящейся к персональным данным, немаловажным остается вопрос защиты таких данных от возможных угроз в сети Интернет, поскольку все больше граждан пользуются достижениями современного общества, такими как интернет-магазины, оформление сделок и договоров онлайн, регистрируются на различных сайтах и т. д. Во многом все эти операции связаны с предоставлением персональной информации, поскольку являются идентификатором личности и позволяют вести учет пользователей, их деятельности и др.

В сфере защиты персональных данных в сети Интернет существует ряд индивидуальных угроз, среди них:

- кибератаки на серверы, хранящие такую информацию, в целях преступного завладения ею, то есть ее хищение;
- незаконная передача такой информации организациями в целях получения материальной выгоды;
- искажение информации при ее использовании;
- самовольная передача такой информации гражданами в результате правовой неграмотности и неосведомленности о последствиях совершаемых действий.

Список угроз не является исчерпывающим, однако именно они представляют наибольшую опасность для персональных данных. Разберем каждую из них отдельно.

Начнем с последней угрозы, поскольку ее решение лежит на поверхности. Практически все в повседневной жизни сталкиваются с таким простым действием, как регистрация на каком-нибудь электронном сайте для получения доступа к информации или при оформлении онлайн-заказа и др. Однако даже такой процесс требует передачи сведений о фамилии, имени, отчестве человека, в ряде случаев паспортных данных, информации о

месте жительства и т. д., что относится к персональным данным, но далеко не каждый человек задумывается об этом. И причиной этому служит низкая правовая грамотность граждан Российской Федерации, которые свободно предоставляют операторам информацию о себе.

Для предотвращения нежелательного распространения персональной информации и в дальнейшем ее хищения, искажения или неправомерной передачи другим лицам необходимо повышать уровень правовой грамотности граждан. Иными словами, требуется проводить различные мероприятия с целью знакомства с основными положениями законодательства нашей страны, в простой и доступной форме для их правильного понимания и применения. Это могут быть лекции, беседы и т. д., статьи в Интернете, вложения с разъяснениями при передаче такой информации. При чем это должно осуществляться не как возможность, а как условие передачи информации, то есть лицо, желающее передать свои персональные данные какой-либо организации, должно не просто дать согласие на обработку и использование персональных данных, а конкретно ознакомиться с данной процедурой и возможными последствиями. Реализовать это можно, например, предусмотрев обязательное время перехода к следующему этапу регистрации.

Кроме того, видится эффективным введение презумпции того, что если в соглашении с пользователем прямо не предусмотрено согласие на распространение персональных данных, то право распространения данных у оператора отсутствует (ч. 4 ст. 10.1 Закона «О персональных данных») [4].

Следует согласиться с мнением Е. Г. Дмитриевой, которая предлагает добавить требование о том, что оператор должен разместить на сайте/платформе типовую форму, позволяющую отозвать согласие на обработку и распространение персональных данных в электронном виде непосредственно на самой платформе [4].

Что же касается других угроз, то здесь их решение не является таким простым.

Рассматривая возможные кибератаки на хранилища информации с персональными данными клиентов различных организаций, важно отметить, что решение этой проблемы становится возможным только при создании надежных и действенных механизмов электронной защиты информации. Видится наиболее целесообразным привлекать государство и его возможности для решения данной проблемы, поскольку затрагиваются интересы как отдельных людей, так и всего общества в целом, а согласно основным положениям законодательства нашей страны обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина являются приоритетными задачами.

Рассматривая остальные угрозы, необходимо подчеркнуть, что законодателем предусмотрена различная ответственность за совершение данных правонарушений. Это применимо и в случае хищения персональных данных.

Статья 24 Федерального закона «О персональных данных» прямо определяет виды ответственности. Лица, виновные в нарушении требований закона, несут гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную и иную предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность.

Так, например, взлом аккаунтов электронной почты либо социальных сетей определяется как нарушение тайны переписки, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность:

а) наложение штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев;

- б) привлечение к обязательным работам на срок до трехсот шестидесяти часов;
- в) привлечение к исправительным работам сроком до одного года [5, с. 90].

Однако по общему количеству совершаемых преступлений в данной сфере, а также по имеющейся тенденции к росту их числа можно сделать вывод о низкой эффективности данных мер, несмотря на их уголовно-правовой характер. В целях повышения эффективности мер защиты в первую очередь видится ужесточение санкций за совершенные деяния. Основными правовыми нормами, охраняющими персональные данные, являются ст. 137, 140 и 272 УК РФ. На наш взгляд, целесообразно ужесточить санкцию именно за преступные деяния, указанные в ст. 137 и 272 УК РФ, а конкретно за незаконное распространение или сбор информации, а также за неправомерный доступ к ней.

В ч. 1 ст. 137 УК РФ необходимо увеличить размер штрафа до 500 тыс. руб., а также срок наказания в виде лишения свободы до 5 лет, аналогичные изменения внести и в ст. 272 УК РФ в целях обеспечения усиления уголовно-правовой охраны исследуемого института.

Также дополнительными мерами профилактики данных преступлений могут выступать:

1. Организация и проведение внешних независимых проверок по факту утечки или хищения персональных данных.
2. Создание упрощенных внесудебных механизмов защиты прав граждан в случаях неправомерного использования персональных данных. В частности, возможно создание института уполномоченного по правам человека в сфере защиты персональных данных [4].
3. Разработка систем и способов вычисления лиц, совершивших посягательства на персональные данные и др.

Что касается искажения личной информации пользователей, то здесь возможными мерами предупреждения может выступать создание системы учета и контроля баз данных, в которых хранится указанная информация, а также разработка специальных каналов передачи такой информации, в рамках которой должен быть предусмотрен механизм проверки достоверности передаваемой информации на предмет ее искажения и правомерности.

Также общим профилактическим средством может стать установление законодателем сроков хранения персональных данных, организация проверки и контроля их соблюдения. В рамках этого механизма может быть предусмотрена возможность подтверждения или изменения данных в целях продления или возобновления срока.

В рамках глобальной профилактической деятельности государства по предупреждению и пресечению правонарушений в области защиты персональных данных граждан необходимо усилить контроль за данной сферой, предусмотрев создание специальных подразделений, в функциональные обязанности которых было бы внесено данное положение, а также уделить внимание вопросу уголовной ответственности за соответствующие преступления.

В качестве решения проблемы нами предлагается ввести ряд ограничительных принципов, которые позволят интерпретировать конкретную информацию как персональные данные:

- указание на принадлежность сведений конкретному человеку;
- наличие в предоставляемых сведениях человека его биологических, социальных и документальных характеристик.

Таким образом, следует отметить, что существуют проблемы не только в области защиты персональных данных в сети Интернет, но и в таких первичных, базовых аспектах, как определение и толкование понятия «персональные данные», категории информации, относимой к таким данным, и др. Необходим комплексный подход к решению обозначенных проблем и постепенное внедрение систем и механизмов защиты (правовых например,

ужесточение уголовно-правовой ответственности за преступления против персональных данных, технических, направленных на устранение имеющихся угроз и законодательных пробелов). Особое внимание следует уделить государственному контролю и надзору в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Важорова М. А. История возникновения и становления института персональных данных // Государство и право: теория и практика : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2011. С. 33–38.
2. Громкие случаи утечек персональных данных в России в 2019–2020 годах. URL: <https://ria.ru/20200623/1573379104.html> (дата обращения: 26.09.2022).
3. Мираев А. Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 76–82.
4. Дмитриева Е. Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18–23.
5. Давыдова О. Б. Защита персональных данных // Вестник науки и образования. 2018. № 6 (42). С. 89–90.

REFERENCES

1. Vazhorova M.A. History of the emergence and formation of the Institute of personal data. In: *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [State and law: theory and practice: proceedings of the International scientific conference]. Chelyabinsk, 2011. Pp. 33–38. (In Russ.).
2. *Gromkie sluchai utechek personal'nykh dannykh v Rossii v 2019–2020 godakh* [High-profile cases of personal data leaks in Russia in 2019–2020]. Available at: <https://ria.ru/20200623/1573379104.html> (accessed September 26, 2022).
3. Miraev A.G. The concept of personal data in the Russian Federation and the European Union. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2019, no. 5, pp. 76–82. (In Russ.).
4. Dmitrieva E.G. Problems of personal data protection in the digital world and ways to solve them. *Pravo i biznes = Law and Business*, 2021, no. 3, pp. 18–23. (In Russ.).
5. Davydova O.B. Protection of personal data. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*, 2018, no. 6 (42), pp. 89–90. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КОРНИЛОВА – кандидат психологических наук, начальник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, tatyana_vladi21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

ЕГОР ОЛЕГОВИЧ ЛАПЕНКОВ – курсант 5 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

TAT'YANA V. KORNILOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Head of the Department of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Research Department of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, tatyana_vladi21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1978-9294>

EGOR O. LAPENKOV – 5th year cadet of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Статья поступила 23.12.2023

Научная статья

УДК 343.98:004

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.013

Концептуальные положения криминалистической методики расследования преступлений в сфере киберпространства

ОЛЕГ СТАСЬЕВИЧ КУЧИН

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Аннотация. Разработка концептуальных положений расследования преступлений в сфере киберпространства позволяет формализовать их существенную часть, что обеспечивает возможность создания групповой методики расследования этих преступлений. При этом речь идет также о разработке единой криминалистической характеристики преступлений данной группы и формировании совокупности таких характеристик, имеющих однотипную структуру.

Ключевые слова: преступление; киберпространство; криминалистика; расследование; криминалистическая методика; нейросети; уголовное право; IT-технологии.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кучин О. А. Концептуальные положения криминалистической методики расследования преступлений в сфере киберпространства // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 103–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.013.

Original article

Conceptual Provisions of the Forensic Methodology for Investigating Cyber Crimes

OLEG S. KUCHIN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Abstract. The development of conceptual provisions for the investigation of crimes in the field of cyberspace makes it possible to formalize their essential part, which makes it possible to create a group methodology for investigating these crimes. At the same time, we are also talking about the development of a unified forensic characteristic of crimes of this group and the formation of a set of such characteristics with a similar structure.

Key words: crime; cyberspace; criminalistics; investigation; forensic methodology; neural networks; criminal law; IT technologies.

© Кучин О. А., 2024

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kuchin O.A. Conceptual provisions of the forensic methodology for investigating cyber crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 103–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.013.

Разработка любых групповых (видовых, родовых и иных обобществленных) криминалистических методик расследования преступлений опирается на особенности процесса расследования как самих групп, так и отдельных преступлений. Это концептуальное положение однозначно применимо и к преступлениям, совершаемым в сфере киберпространства. В процессе следственной и судебной практики постоянно возникает ряд новых проблем, связанных со значительным разнообразием таких преступлений.

Основой разработки криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства являются их легальные признаки, изложенные законодателем в диспозициях статей Особенной части уголовного кодекса, определяющих соответствующую ответственность за эти деяния.

Анализ уголовно-правовых характеристик преступлений в сфере киберпространства показал, что применяемая в научной криминалистической литературе дефиниция «преступление в сфере киберпространства» с точки зрения положений уголовного права носит весьма условный и специфический характер. Такая же ситуация складывается и с иными криминалистическими видами или группами преступлений в любой сфере их совершения.

Основополагающей и составной частью всех объединенных криминалистических методик расследования преступлений является их криминалистическая характеристика, основанная на развернутой уголовно-правовой, криминологической, социологической, политической и оперативно-розыскной характеристике преступлений определенного вида или группы и соответствующих характеристиках обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании уже конкретного преступления.

Следовательно, научная концепция криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства носит интегрированный характер и аккумулирует положения не только уголовно-правовых, но и ряда наук информационно-кибернетического блока.

Быстрый рост преступлений в сфере киберпространства в настоящее время связан с активным использованием компьютерной техники, разнообразных компьютеризованных устройств и информационных технологий.

Переход преступников к использованию информационного пространства нейросетей, в котором действует довольно сложная система передачи информации, сопровождается рядом принципиально новых явлений, связанных с ментальными изменениями сознания и личного психического отношения к ним со стороны пользователей сети Интернет, а также читателей различных IT-технологий. Они проявляются при криминалистическом исследовании различных возрастных и социальных групп людей, постоянно использующих компьютерную технику и информационные технологии. Полученные специалистами результаты и выводы научных исследований позволяют установить ряд специфических особенностей менталитета и поведения активных пользователей сети Интернет.

Российский законодатель криминализовал пока только лишь несколько деяний в сфере компьютерной информации, включив в гл. 28 УК РФ всего четыре состава. Но следует

отметить, что уже во многие составы преступлений внесены квалифицирующие признаки, которые прямо указывают на использование виновными лицами компьютерной техники, информационных технологий и Интернета.

Российские специалисты в области криминалистики давно отмечают, что признаки использования IT-технологий рассредоточены в настоящее время по многим составам преступлений, изложенным в УК РФ. Поэтому для преступлений в сфере киберпространства характерны проявления множественности их совершения. И хотя данная группа общественно опасных деяний пока еще не выделена в отдельную главу УК РФ, но, как уже указывалось нами ранее, соответствующие криминальные проявления отмечаются в нескольких десятках различных составов преступлений.

Преступные деяния в сфере киберпространства надлежит выделить в отдельную криминалистическую группу. И, следовательно, для преступлений данной криминалистической группы необходимо разработать групповую криминалистическую характеристику как основную, концептуальную составную часть криминалистической методики ее расследования.

Специалистами отмечается, что многие примеры криминального поведения в сфере киберпространства представляют собой одинаковые повторяющиеся преступления, совершенные разными лицами.

Так, например, к таким преступлениям относятся публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием электронной почты или СМС-сообщений по мобильной телефонной связи от одного лица к другому или нескольким лицам. При этом во многих случаях речь идет не только об экстремизме, но и о призывах к массовым беспорядкам и иным тяжким преступлениям. Ряд экстремистских преступлений в сфере киберпространства характеризуются сложным составом и определенной формой соучастия двух и более лиц.

Согласимся с мнением некоторых специалистов, что исследование в данной области должно быть направлено не только на формирование единой криминалистической характеристики группы преступлений в сфере киберпространства и их совокупностей, но и на формирование совокупности таких характеристик, имеющих однотипную структуру.

Структура информационного наполнения криминалистических характеристик преступлений данной категории должна быть разработана на основе развернутых уголовно-правовых характеристик и обстоятельств, подлежащих установлению, а также накопленного судебно-следственного опыта и различных эмпирических данных. Именно такой научный подход необходим для формирования криминалистических характеристик различных видов преступлений в сфере киберпространства как основы частных криминалистических методик их расследования.

В науке обоснованно отмечается тот факт, что необходимо создавать объемные описания криминалистических характеристик преступлений данной группы и уже на их основе создавать подробные частные методики их расследования.

Выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере киберпространства, должны совершаться не только с применением традиционных криминалистических технологий, но и новых возможностей, алгоритмов и программ, позволяющих создать соответствующие компьютерные модели криминалистических характеристик этих преступлений и их совокупностей.

Криминалистические методики расследования преступлений в сфере киберпространства концептуально нацелены на раскрытие содержательных особенностей отдельных на-

правлений расследования, выдвижение и обоснование следственных версий с их последующей проверкой, а также выполнение конкретных следственных действий.

Необходима постоянная разработка криминалистических тактических приемов соответствующих следственных действий с электронными носителями цифровой информации, электронными документами и иной электронной продукцией текстового и графического характера. При этом определенное внимание должно уделяться применению разумных тактических рекомендаций для работы с закодированной и зашифрованной электронной информацией, имеющей правовой статус, в рамках криминалистических методик расследований и современных информационных технологий, включая элементы искусственного интеллекта.

Многие специалисты предлагают осуществлять разработку научно обоснованных подходов для формирования комплекса криминалистических методик для всех преступлений в сфере киберпространства.

На основе нескольких таких методик и с учетом особенностей соответствующей криминалистической характеристики конкретного преступления данного вида следователь сможет сформировать частную криминалистическую методику, адаптированную для расследования конкретного криминального факта в сфере киберпространства или их определенной совокупности.

Для формирования научных основ частных криминалистических методик, выверенных с правовой точки зрения, были проведены исследования различных подходов к обоснованию требований по структуре и содержанию частных криминалистических методик. Ряд специалистов предлагает сократить структуру частных криминалистических методик расследования преступлений до четырех элементов: криминалистическая характеристика данного вида преступления; типичные следственные ситуации и программы расследования; тактика отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; организация профилактической деятельности следователя при расследовании данных преступлений [1].

Мы категорически не согласны с такой позицией.

Вместе с тем В. О. Давыдов обоснованно предлагает определить базовую методику расследования как совокупность разработанных криминалистической наукой и апробированных в следственной практике комплексов методических рекомендаций по расследованию преступлений, сформированных на основании их уголовно-правовой и криминалистической классификаций и предназначенных для оптимизации и повышения эффективности работы следователя [2].

Подобная методика расследования является базовой и комплексной, представляя собой совокупность выработанных криминалистической наукой и апробированных следственной практикой методических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию криминалистическими средствами и методами преступлений, объединенных в единый предмет исследования [2].

Структура данной методики включает в себя следующие элементы: криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере киберпространства; комплекс рекомендаций по разрешению типичных следственных ситуаций и сопутствующих им задач начального и последующего этапов расследования; комплекс рекомендаций по решению информационных задач и версионной работе по делам данной группы; комплекс рекомендаций по планированию и организации расследования; комплекс рекомендаций по взаимодействию следователя с оперативно-розыскными подразделениями как при их

раздельной деятельности, так и в рамках совместных следственно-оперативных групп, а также с правоохранительными органами иностранных государств и международными полицейскими организациями; комплекс рекомендаций по назначению судебных экспертиз; комплекс рекомендаций по проведению отдельных следственных действий и тактических операций на первоначальном и последующих этапах расследования; комплекс рекомендаций по взаимодействию субъекта расследования со средствами массовой информации, в том числе и сети Интернет, а также по использованию помощи общественности; комплекс рекомендаций по предупреждению преступлений в сфере киберпространства на территории Российской Федерации средствами и методами криминалистики [2].

При этом криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере киберпространства представляет собой систематизированное описание массива фактических данных и основанных научных выводов о наиболее типичных криминалистически значимых элементах, проявляющихся в механизме преступной деятельности в сфере киберпространства в территориальном диапазоне, знание которых необходимо для разработки соответствующей базовой частной методики расследования, определения перечня обстоятельств, подлежащих установлению, выдвижения следственных версий и определения основных направлений расследования.

Результат научного исследования, сделанного В. О. Давыдовым, позволяет говорить о том, что структура преступности в сфере киберпространства в целом должна соответствовать структуре механизма этой преступной деятельности и включать в себя типовые сведения о следующих элементах и взаимозависимостях между ними: субъект преступной деятельности (его организованные формы, а также ролевые функции и типологические свойства личности их руководителей, активных членов и иных лиц, оказавшихся косвенно связанных с субъектом преступной деятельности подобного вида); мотивы и цели; способы совершения преступной деятельности, в том числе включающие совокупность преступных действий по сокрытию следов, а также намеренному афишированию преступного результата; место создания региональных звеньев преступного формирования, действующих на территории Российской Федерации, и непосредственного осуществления ими преступной деятельности; обстановка, связанная с преступной деятельностью; типологические свойства личности и ролевые функции потерпевших; предметы преступного посягательства, с которыми связаны фактическое наступление вредных последствий и характер преступного результата; средства и орудия, используемые для совершения преступной деятельности рассматриваемой криминалистической группы, а также преступный результат [2].

Механизм преступной деятельности в сфере киберпространства представляет собой сложную динамическую систему, в которой следует выделить две группы способов:

- 1) базовые способы совершения основной преступной деятельности;
- 2) вспомогательные способы преступной деятельности.

Все они одинаково направлены на обеспечение функционирования элементов организационно-структурных криминальных модулей, включая и региональные звенья.

В качестве криминалистически значимых особенностей данных способов совершения преступных деяний следует выделить использование информационно-коммуникационных технологий и ресурсов сети Интернет, которые в силу своей прикладной специфики отличаются повторяемостью поведенческих актов и использованием информационно-коммуникационных технологий в целях организации и руководства деятельностью звеньев преступных формирований, создания условий для совершения ими преступных деяний в том или ином субъекте Российской Федерации.

В основе противодействия расследованию, реализуемого членами преступных группировок, лежат криминализованные связи как членов самого местного звена, так и функциональных звеньев иерархического организационно-структурного модуля, а его механизм складывается из совокупности действий, сочетание и последовательность которых варьируются в зависимости от инициативы субъекта противодействия, этапов расследования, особенностей способов противодействия, их комбинаций и др. и охватывает противодействие расследованию, осуществляемое непосредственно сразу после совершения преступления в сфере киберпространства, осуществляемое после возбуждения уголовного дела и на последующих стадиях его расследования.

Неотъемлемым элементом механизма преступной деятельности в сфере киберпространства является комплекс действий, направленных в подавляющем большинстве случаев на совершение преступления высокотехнологичными способами, связанными с использованием информационно-коммуникационных сервисов сети «Интернет».

Преступная мотивация представляет собой субъективную детерминирующую систему взаимосвязанных элементов, характеризующих субъект преступной деятельности и другие ее составляющие, на основе изучения закономерностей возникновения и развития криминальных процессов.

Цель преступной деятельности в сфере киберпространства выступает как мысленная модель идеально представляемого и желаемого преступного результата, к достижению которого стремится лицо, совершающее преступление рассматриваемой группы.

Однозначно необходимо обратить внимание на специфические особенности преступности в сфере киберпространства, установленные по результатам исследований и накопленного эмпирического материала. Полученные результаты предопределили ряд акцентов в дальнейших разработках особенностей совершения данных преступлений в разных социальных группах, а также различных проявлений множественности преступлений данного вида. Безусловно, в рамках выявленных особенностей проявляется и ряд внешних факторов, оказывающих существенное влияние на количественное и качественное изменение динамики преступных проявлений данной группы.

Считаем, что при разработке научно-методических основ для создания и формирования частных криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства и их совокупностей возможно использовать ряд элементов методических разработок, предложенных В. О. Давыдовым [2].

Одновременно В. В. Бычков и В. А. Прорвич выделяют следующие структурные элементы комплекса тех информационных технологий, которые могут быть заложены в основу базовой иерархической системы, позволяющей осуществлять формирование адаптированных частных криминалистических методик расследования преступлений в сфере киберпространства или их совокупностей:

1. Информационные технологии, позволяющие контролировать процессы формирования электронных документов и иных сведений, в различных информационных системах, отражающих особенности субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений в информационном пространстве компьютерных сетей, включая Интернет, на предмет установления их соответствия либо несоответствия требованиям действующего законодательства и формирования информационных эталонов соответствующей деятельности законопослушных субъектов.

2. Информационные технологии, нацеленные на надлежащее раскрытие бланкетных, отсылочных и смешанных диспозиций уголовно-правовых норм по преступлениям в сфере киберэкстремизма и их совокупностей с различными формами соучастия, для формирования развернутых уголовно-правовых характеристик преступлений, совершаемых в информационном пространстве компьютерных сетей, позволяющих выделить полную совокупность обязательных и факультативных признаков конкретных преступлений рассматриваемого вида и их совокупностей, а также перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, ориентирующих следствие на поиск криминалистически значимой информации на различных стадиях доследственной проверки и производства по соответствующим уголовным делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма.

3. Информационные технологии, нацеленные на сопоставление электронных документов и сведений из различных информационных систем со сформированными информационными эталонами в последовательно-параллельном режиме, для выявления закодированных информационных следов противоправных действий определенных субъектов, имеющих признаки преступлений определенного вида, и их фиксации, для последующего построения и обоснования следственных версий и формирования доказательств по расследуемому уголовному делу.

4. Информационные технологии, нацеленные на сопоставление определенных групп электронных документов и сведений из различных информационных систем со сформированными информационными эталонами в последовательно-параллельном режиме для выявления распределенных закодированных информационных следов противоправных действий определенных субъектов, имеющих признаки преступлений в сфере киберпространства, их совокупностей, и их фиксации для последующего построения и обоснования следственных версий и формирования доказательственной базы.

5. Информационные технологии, нацеленные на создание интерактивных экспертных систем с элементами искусственного интеллекта различного вида, позволяющих следователю при обработке информации, имеющей правовой статус, в диалоговом режиме контролировать сохранение статуса промежуточных и итоговых результатов ее обработки.

6. Информационные технологии, нацеленные на надлежащее применение специальных знаний и профессиональных компетенций судебных экспертов и специалистов, включая созданные на их основе алгоритмы обработки информации, имеющие правовой статус, реализованные сведущими лицами в форме проблемно ориентированных компьютерных программ, предназначенных для использования в диалоговых режимах различного формата в составе интерактивных экспертных систем.

7. Информационные технологии, нацеленные на создание интерактивных экспертных систем с элементами искусственного интеллекта различного вида, позволяющих следователю при расследовании преступлений в сфере киберпространства и их совокупностей организовать коллективную обработку информации, имеющей правовой статус, в параллельно-последовательном режиме со специалистами и судебными экспертами, с применением средств контроля за сохранением правового статуса промежуточных и итоговых результатов ее обработки [3].

Соответствующие методы обработки документированной электронной информации должны обеспечивать контроль за сохранением промежуточных и итоговых результатов.

Основным назначением таких методов является выделение той части сведений, имеющих в электронной документации, которые имеют признаки криминала, на фоне намного большей по объему информации, отражающей правомерные действия граждан.

Если же речь идет о целенаправленной обработке электронной документации, изъятый следователем из определенных информационных систем, чтобы выявить в ней ту часть, которая имеет признаки криминального характера, то вполне понятно, что и соответствующие следы также носят закодированный информационный характер. Такие следы могут носить не информационно-замкнутый характер, поддающийся интерпретации для установления определенных фактов и обстоятельств, а фрагментарный, не отражающий характеристику определенного события, которое может идентифицироваться как криминальное. При этом соответствующие фрагменты могут быть рассеяны по различным электронным документам, а для их идентификации и установления информационного следа криминального события необходима целенаправленная, проблемно-ориентированная обработка определенных групп документов, в том числе с использованием информационных эталонов законопослушной деятельности.

Электронные документы создаются, хранятся, передаются и преобразовываются в том числе и в другие электронные документы с помощью определенных компьютерных программ, которые принято называть также компьютерными кодами. Соответственно, определенные фрагменты криминальной информации, которые могут быть выявлены и зафиксированы в некоторой совокупности электронных документов, могут идентифицироваться как закодированные информационные следы преступлений рассматриваемого вида.

С помощью соответствующих методов на основе выявленных в определенной совокупности электронных документов и зафиксированных закодированных информационных следов преступлений могут быть идентифицированы их связи с соответствующими информационными системами и их обладателями. Это позволяет сформировать на их основе доказательства, избличающие определенных лиц в причастности к расследуемым высокотехнологичным преступлениям.

Методы обработки электронных документов могут сочетаться с иными способами обработки документации на бумажных носителях информации, а также, например, с алгоритмами выполнения отдельных видов следственных действий. Это позволяет использовать прямые и обратные связи таких действий для получения кумулятивного эффекта, что повышает эффективность расследования соответствующих уголовных дел.

Отталкиваясь от сформированных таким образом обязательных и факультативных признаков преступлений в сфере киберпространства, с помощью уже обсуждавшихся подходов, основанных на специальных знаниях и элементах искусственного интеллекта, разработанных в рамках информатики, можно построить методы обработки текстовых формулировок тех положений законодательства, которые необходимы для раскрытия содержательных особенностей диспозиций конкретных уголовно-правовых норм.

В ряде случаев с помощью указанных алгоритмов и на основе выявленных признаков можно идентифицировать наличие не одного, а двух и более совершенных преступлений в сфере киберпространства, что предполагает в дальнейшем планирование и производство дополнительных следственных действий.

Важно обратить внимание и на то, что подобные информационные технологии, позволяющие целенаправленно анализировать текстовую информацию с использованием определенной системы критериев и информационных эталонов, уже существуют и актив-

но используются в ряде отраслей человеческой деятельности. На их основе может быть разработана система алгоритмов различного вида, матричных классификаторов и иного компьютерного инструментария, позволяющего обеспечить надлежащее информационное обеспечение всего комплекса следственных и иных процессуально регламентированных действий по преступлениям рассматриваемого вида.

Фактически речь идет о разработке и создании силами ученых и специалистов в различных отраслях права, экономики и информатики иерархической системы методов, позволяющих формализовать информационно-правовое пространство, характеризующее различные варианты деятельности законопослушных субъектов информационного общества различного вида и уровня. Научно обоснованное структурирование такого пространства позволит также создать определенную систему типовых действий законопослушных субъектов и использовать их в качестве эталонов при выявлении противоправных действий в различных сферах информационного общества.

Поэтому в настоящее время все более ощущается необходимость в научном обеспечении способов преобразования растущего количества криминалистически значимой информации в новое качество информационной модели исследуемых преступлений в сфере киберпространства. Здесь возникает ряд новых положений, согласно которым по признакам состава преступления компьютерные технологии обработки электронных документов позволяют получить значительно большее количество сведений, нежели с помощью других методов.

Все вышеизложенные положения должны составить современную концепцию криминалистической методики выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере киберпространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Возгрин И. А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 485.
2. Давыдов В. О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера : дис. ... д-ра юрид. наук. Тула, 2018. С. 525–528.
3. Бычков В. В., Прорвич В. А. Алгоритмы выявления признаков экстремистской и террористической деятельности с использованием Интернета на основе информационных шаблонов возможных составов преступлений данного вида // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 43–50.

REFERENCES

1. Vozgrin I.A. *Vedenie v kriminalistiku. Istoriya, osnovy teorii, bibliografiya* [Introduction to criminology. History, fundamentals of theory, bibliography]. Saint Petersburg, 2003. P. 485.
2. Davydov V.O. *Metodika rassledovaniya transnatsional'noi prestupnoi deyatelnosti ehkstremit'skogo kharaktera: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Methods of investigation of transnational extremist criminal activities: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Tula, 2018. Pp. 525–528.
3. Bychkov V.V., Prorvich V.A. Algorithms for detecting signs of extremist and terrorist activities using the Internet based on information templates of possible crimes of this type. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya = Investigation of Crimes: Problems and Solutions*, 2022, no. 2, pp. 43–50. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕГ СТАСЬЕВИЧ КУЧИН – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

OLEG S. KUCHIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Forensic Enquiry and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Статья поступила 19.02.2024

Научная статья

УДК 341.4: 341.16

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.014

Международное сотрудничество в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере обеспечения продовольственной безопасности

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА МАЛИМОНОВА

Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия, needle_mas@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты международного сотрудничества в области борьбы с преступлениями в сфере обеспечения продовольственной безопасности, осуществлен анализ причин нестабильности и паллиативности взаимодействия российских правоохранительных органов с коллегами из международных полицейских и иных организаций. Рассмотрено проведение международной операции по борьбе с преступлениями и правонарушениями в сфере обеспечения продовольственной безопасности, по противодействию производству и обороту контрафактной продукции «OPSON». Сделан вывод о высокой эффективности проводимых совместных мероприятий, а также о крайней нежелательности их приостановления или отмены.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; продукты питания; международное сотрудничество; операция OPSON; защищенные каналы связи.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Малимонова А. С. Международное сотрудничество в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере обеспечения продовольственной безопасности // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 113–119. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.014.

Original article

International Cooperation in Combating Crimes Committed in the Field of Food Security

ANASTASIYA S. MALIMONOVA

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, needle_mas@bk.ru

Abstract. The article provides examples of the results of international cooperation in combating crimes in the field of food security and analyzes causes of instability and palliative interaction between Russian law enforcement agencies and colleagues from international police and other organizations. The author, in particular, analyzes the international operation to combat crimes and offenses in the field of food security and counteract production and trafficking of counterfeit OPSON prod-

ucts. The author concludes about high efficiency of joint activities and extreme undesirability of their suspension or cancellation.

Keywords: food security; food products; international cooperation; OPSON operation; secure communication channels.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Malimonova A.S. International cooperation in combating crimes committed in the field of food security. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 113–119. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.014.

Преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности представляют собой серьезную угрозу здоровью и благополучию населения, нейтрализация которой требует трансграничного сотрудничества. Все государства уязвимы в этой области, учитывая возросшую интеграцию и глобализацию цепочек поставок. Для защиты от такой угрозы созданы международные организации, такие как Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Всемирная торговая организация (ВТО), Фонд сельскохозяйственного развития и др. Все они занимаются разработкой программ и методик, обеспечивающих распределение продовольствия по земному шару, сокращение количества голодающего населения, улучшение качества еды и питьевой воды и т. д. Также этими структурами регулярно фиксируются случаи нарушения правил продовольственной безопасности. Однако данные организации могут лишь обратить внимание национальных и международных правоохранительных органов на несоблюдение законодательства в рассматриваемой области, так как они не обладают полномочиями по расследованию преступлений.

На данный момент самой крупной полицейской организацией в мире является Международная организация уголовной полиции Интерпол, членами которой являются 195 стран, включая Российскую Федерацию. Также на Европейском континенте деятельностью по расследованию преступлений занимается Европол – агентство Европейского союза (ЕС) по сотрудничеству правоохранительных органов. Несмотря на то что Европол является структурой ЕС, в целях раскрытия преступлений и изобличения преступников он сотрудничает не только с государствами – членами ЕС, организациями и физическими лицами – резидентами ЕС, но и с третьими лицами – международными организациями и странами, не входящими в ЕС. С такими лицами Европол работает на основании специальных соглашений. Так, между Европоллом и Российской Федерацией в Риме заключено стратегическое соглашение [1], в соответствии с условиями которого стороны договорились взаимодействовать в сфере предупреждения, выявления, пресечения и расследования целого ряда преступлений. Между Интерполом и Европоллом взаимодействие производится на основании оперативного соглашения [2].

В целях ликвидации с рынка контрафактных и некачественных продуктов питания и напитков и изобличения причастных к ним лиц и организованных преступных групп Интерпол и Европол, руководствуясь своими уставами и оперативным соглашением, ежегодно с 2011 г. проводят масштабную интернациональную операцию «OPSON». В ее рамках правоохранительные, таможенные и иные уполномоченные внутригосударственные органы проводят проверки в магазинах, на рынках, в аэропортах и морских портах с целью обнаружения и конфискации пищевых продуктов, не соответствующих требованиям безопасности.

В первой операции, проведенной в 2011 г., участвовали 10 стран, в основном европейских. Но с каждым годом масштабы операции росли, и в 2021 г. участниками стали уже 72 страны из Африки, Америки, Азии, Европы и Ближнего Востока. Российская Федерация принимает участие в рассматриваемой операции с 2015 г., и результаты впечатляют: в 2018 г. Россия сообщила Интерполу о выявлении 48 подпольных производств продовольственных товаров, изъятии более 1,6 млн литров контрафактного алкоголя, возбуждении уголовных дел в отношении 282 человек [3]. По словам А. Шабаршова, с 2015 по 2019 г. отечественными правоохранительными органами в рамках операции проведено порядка 50 тыс. проверок и арестовано 711 лиц, причастных к незаконному обороту продуктов питания [4]. По данным Интерпола, в 2020 г. в ходе операции «OPSON-IX» было изъято опасных продуктов питания и напитков на сумму более 40 млн долларов США, ликвидировано 19 организованных преступных групп и арестовано 407 человек по всему миру [5].

На сегодняшний день проведено уже 10 операций «OPSON». Согласно опубликованным отчетам о результатах операция состоит из трех фаз: подготовительной, операционной и постоперационной. В ходе первой фазы проводится встреча представителей Интерпола, Европола и национальных учреждений, на которой обсуждаются результаты предыдущих операций, озвучиваются основные проблемы, даются рекомендации по противодействию преступности, организуются учебные мероприятия. Затем наступает главная фаза – операционная, длящаяся обычно четыре месяца, в рамках которой участники непосредственно проводят проверки и расследования. Каждая страна-участница самостоятельно принимает решение о видах контроля, которые будут осуществляться. Интерпол и Европол проводят перекрестную проверку своих баз данных и координируют передачу информации для поддержки проводимых следственных и оперативных мероприятий. Следующим – постоперационным – этапом называется деятельность участников по передаче данных о результатах мероприятий в соответствующие службы Интерпола и Европола для анализа, в результате которого дается оценка уровня криминогенности той или иной продовольственной сферы, определяются наиболее эффективные действия по борьбе с преступностью, а также области, требующие дополнительных усилий правоохранительных органов.

Необходимо отметить, что важнейшая роль в проведении операции отводится защищенным каналам связи, по которым среди участников распространяются планы действий, рекомендации, а также осуществляется обмен оперативной информацией. В рамках Европола действуют каналы «SIENA» и «EPE», на вооружении Интерпола находится глобальная телекоммуникационная система «I-24/7» (24 часа в сутки 7 дней в неделю). В. Богданов отмечает, что к системе «I-24/7» российское Бюро Интерпола присоединилось одним из первых, что позволило повысить оперативность и качество трансграничной передачи информации [6].

Характеристики системы «I-24/7» позволяют безопасно и оперативно обмениваться информацией, в том числе персональными данными. Также система служит для удаленного доступа к базам данных Интерпола в режиме реального времени. Сюда входят сведения о разыскиваемых преступниках, их биометрические данные, информация о похищенных или утраченных проездных документах и др. Многие базы взаимосвязаны: при положительном результате проверки хотя бы по одной из них пользователь автоматически получает максимум криминальной информации об объекте [7].

К каналам Европола Россия не присоединилась ввиду отсутствия соответствующего соглашения. Римское соглашение не предусматривает предоставления персональных

данных. Россия и Европол обмениваются информацией стратегического и тактического характера о состоянии и развитии преступности, новых формах противодействия ей, каналах перевода денежных средств, полученных преступным путем. Проводятся стажировки, консультации и семинары [8].

Сетевое приложение безопасного обмена информацией (SIENA) обеспечивает быстрый и удобный обмен оперативной и стратегической информацией о преступлениях между должностными лицами Европола, аналитиками и экспертами, государствами – членами ЕС и третьими лицами, с которыми Европол имеет соглашения о сотрудничестве. В свою очередь EPE – это безопасная веб-платформа для специалистов различных областей правоохранительной деятельности. Примечательно, что персональные данные и секретная информация не хранятся и не распространяются через рассматриваемую систему. EPE представляет собой широкий круг онлайн-сообществ экспертов, посвященных конкретным сферам правоохранительной деятельности. Эксперты являются профессионалами с богатым практическим опытом и знаниями. Сочетание правовой базы EPE, его аналитического потенциала позволяет Европолу вносить уникальный вклад в международное полицейское сотрудничество.

Россией и Европолом предпринимались попытки разработки и заключения оперативного соглашения, позволившего бы российским правоохранительным органам присоединиться к каналам Европола, однако стороны не смогли прийти к консенсусу по данному вопросу [8]. Более того, ситуация осложнилась после того, как правление Европола в марте 2022 г. приняло решение приостановить любое сотрудничество с Россией, в том числе в рамках стратегического соглашения, заключенного в ноябре 2003 г.

Кроме международных полицейских организаций важную роль в обнаружении и расследовании преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности играют также группы подразделений финансовой разведки «Эгмонт». Россия является частью этого образования – Росфинмониторинг входит в группу «Эгмонт» с июня 2002 г. Группа «Эгмонт» объединяет подразделения финансовой разведки (ПФР) 165 юрисдикций и предоставляет своим членам возможность обмена информацией по специальному защищенному каналу связи [9].

Защищенная сеть группы «Эгмонт» (ESW) – электронная система связи, которая позволяет осуществлять зашифрованный обмен электронными сообщениями и информацией финансовой разведки между членами. ESW является необходимым средством эффективного функционирования группы «Эгмонт», поэтому главы ПФР выдают мандат на ESW, утверждают и контролируют регламенты ее функционирования и структуру управления [10, с. 8].

Эта сеть представляет собой информационный узел, дающий возможность ПФР разных стран, входящих в группу «Эгмонт», получать информацию о других ПФР (их задачах, структуре организаций, их возможностях), способах легализации преступных доходов, средствах анализа финансового состояния и новых технологических разработках. Узел также позволяет ПФР связываться между собой посредством защищенной системы электронной почты. Так как информационный узел доступен только для сотрудников ПФР, созданы условия использования служебной информации в защищенной среде. Такой возможности ПФР не имеют больше нигде [11].

Несмотря на то что Росфинмониторинг не является правоохранительным органом и не обладает полномочиями по возбуждению и расследованию уголовных дел, в результате проверок, проводимых этим органом, можно выявить первичную информацию о готовя-

щихся или совершенных преступлениях, ответственных лицах и возбудить уголовное дело или провести соответствующие оперативно-розыскные мероприятия. Так, в докладе ФАТФ (группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) «Отмывание денег посредством торговли: тенденции и развитие» [12] указано, что преступники орудуют в тех отраслях экономики, в правовом регулировании которых имеются пробелы или неясность в вопросах применения правовых норм, а также где наблюдаются непоследовательность и несогласованность действий контролирующих органов. Под эти критерии попадает множество видов экономической деятельности, а это означает, что для преступности уязвимы как дорогие продукты, поставляющиеся в небольших объемах, так и дешевые продукты, поставляющиеся тоннами.

В схемах отмывания денег участвует и агропромышленный комплекс: злоумышленники используют сельскохозяйственную продукцию, особенно скоропортящиеся продукты, такие как свежие фрукты и овощи, для вывода своих преступных доходов в другие юрисдикции. Распространенным примером является поставка больших объемов дешевых продуктов. Преступники проникают в уже сложившиеся легитимные цепочки поставок и используют их как средство введения незаконно полученных денежных средств в финансовую систему. Таким образом, осуществляются абсолютно законные поставки продукции, подготавливается вся сопроводительная и иная документация, но по прибытии оказывается, что товар не имеет никакой потребительской ценности, так как слишком долго находился в пути и испортился, поэтому он утилизируется сразу по прибытии.

В этом случае не страдают ни кошельки, ни здоровье потребителей. Однако такие схемы влияют на экономику в целом, а также на степень доступности и достаточности продовольствия населению, что является неотъемлемой частью продовольственной безопасности государства.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что обеспечение продовольственной безопасности – важнейшая задача, стоящая перед отдельными государствами и международным сообществом в целом. Для России важно, что Интерпол не прекратил сотрудничество, оставил открытыми каналы связи между странами для обмена информацией и поисков преступников, по-прежнему предоставляет российским правоохранительным органам набор инструментов и возможностей для координации совместных действий, хотя и с введением дополнительной процедуры обработки и рассмотрения запросов российской стороны [13].

Результаты операции «OPSON» демонстрируют, чего можно добиться для защиты потребителей во всем мире объединением усилий правоохранительных органов и осуществлением ими скоординированных действий. Отчеты о проведенных операциях дают большое количество информации, позволяющей увидеть общую картину преступного посягательства, составить вероятный портрет преступника, понять способ совершения преступления и способы борьбы с ними. Сложившаяся в мире кризисная ситуация подтолкнет преступников на поиск новых способов совершения преступлений, как это произошло в разгар пандемии COVID-2019. Считаем, что разногласия государств в вопросах международной политики не должны влиять на сложившуюся систему борьбы с преступностью международного уровня, так как это приведет исключительно к нестабильности системы, а значит, откроет новые возможности для совершения преступлений и противодействия обнаружению лиц, причастных к ним.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией (заключено в г. Риме 06.11.2003) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 3. С. 58–62.
2. Agreement between Interpol and Europol // Europol : официальный сайт. URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/agreement_between_Interpol_and_Europol.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
3. Deadly and dangerous fake food and drink seized in global operation // Interpol. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2018/Deadly-and-dangerous-fake-food-and-drink-seized-in-global-operation> (дата обращения: 10.05.2022).
4. Шабаршов А. Борьба на всех направлениях // Щит и меч. 2019. № 2 (1642). С. 3.
5. Food fraud in times of COVID-19. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Food-fraud-in-times-of-COVID-19> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Богданов В. Российскому бюро Интерпола исполнилось 28 лет URL: <https://rg.ru/2018/09/27/rossijskomu-biuro-interpola-ispolnilos-28-let.html> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Фалалеев М. Найдут и догонят. Выдачи в Россию ожидают два десятка пойманных преступников. URL: <https://rg.ru/2020/09/22/vydachi-v-rossiiu-ozhidaiut-dva-desiatka-rojmannyh-prestupnikov.html> (дата обращения: 05.05.2022).
8. Прокопчук А. В. Взаимодействие в борьбе с организованной преступностью, которая не знает границ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 16. С. 71–74
9. Группа «Эгмонт». URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/egmont> (дата обращения: 11.05.2022).
10. Устав Группы подразделений финансовой разведки Эгмонт. URL: https://egmontgroup.org/wp-content/uploads/2021/09/Egmont_Group_Charter_-_Revised_September_2018_Russian.pdf (дата обращения: 11.05.2022).
11. Смитиенко С. Б. Участие Группы «Эгмонт» в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма // Вестник экономической безопасности. 2009. № 3. С. 118–124.
12. Tradebased Money Laundering: Trends and Developments. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/trade-based-money-laundering-trends-and-developments.html> (дата обращения: 11.05.2022).
13. Ukraine: INTERPOL General Secretariat statement. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement> (дата обращения: 05.05.2022).

REFERENCES

1. Agreement on cooperation between the Russian Federation and the European Police Organization (concluded in Rome of November 6, 2003). *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov = Bulletin of International Treaties*, 2004, no. 3, pp. 58–62. (In Russ.).
2. *Agreement between Interpol and Europol. Europol: official website*. Available at: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/agreement_between_Interpol_and_Europol.pdf (accessed May 10, 2022).
3. Deadly and dangerous fake food and drink seized in global operation. *Interpol: official website*. Available at: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2018/Deadly-and-dangerous-fake-food-and-drink-seized-in-global-operation> (accessed May 10, 2022).
4. Shabarshov A. Struggle in all directions. *Shchit i mech = Shield and Sword*, 2019, no. 2 (1,642), p. 3. (In Russ.).
5. *Food fraud in times of COVID-19*. Available at: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Food-fraud-in-times-of-COVID-19> (accessed May 10, 2022).
6. Bogdanov V. *Rossiiskomu byuro Interpola ispolnilos' 28 let* [The Russian government turned 28]. Available at: <https://rg.ru/2018/09/27/rossijskomu-biuro-interpola-ispolnilos-28-let.html> (accessed May 5, 2022).

7. Falaleev M. *Naidut i dogonyat. Vydachi v Rossiyu ozhidayut dva desyatka poimannykh prestupnikov* [They will be found and caught up. Two dozen captured criminals are awaiting extradition to Russia]. Available at: <https://rg.ru/2020/09/22/vydachi-v-rossiiu-ozhidaiut-dva-desiatka-pojmannykh-prestupnikov.html> (accessed May 5, 2022).
8. Prokopchuk A.V. Interaction in the fight against organized crime, which knows no borders. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* = *National Interests: Priorities and Security*, 2009, no. 16, pp. 71–74. (In Russ.).
9. *Gruppa "Egmont"* [Egmont Group]. Available at: <https://www.fedsfm.ru/activity/egmont> (accessed May 11, 2022).
10. *Ustav Gruppy podrazdelenii finansovoi razvedki Egmont* [The Charter of the Egmont Group of Financial Intelligence Units]. URL: https://egmontgroup.org/wp-content/uploads/2021/09/Egmont_Group_Charter_-_Revised_September_2018_Russian.pdf (accessed May 11, 2022).
11. Smitienko S.B. Participation of the Egmont Group in the fight against money laundering and terrorist financing. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti* = *Bulletin of Economic Security*, 2009, no. 3, pp. 118–124. (In Russ.).
12. *Tradebased money laundering: trends and developments*. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/trade-based-money-laundering-trends-and-developments.html> (accessed May 11, 2022).
13. *Ukraine: INTERPOL General Secretariat statement*. Available at: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement> (accessed May 5, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА МАЛИМОНОВА – аспирант кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, Россия, needle_mas@bk.ru

ANASTASIYA S. MALIMONOVA – Postgraduate Student at the Department of Criminology of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, needle_mas@bk.ru

Статья поступила 10.10.2022

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.015

Преступления в сфере компьютерной информации: реальное состояние и перспективы реализации

АЛЛА ВАЛЕРЬЕВНА ПЕЛЕВИНА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, allochka_90@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются преступления в сфере компьютерной информации, исследуется их эволюция, дается доктринальная оценка реального состояния, выявляются юридико-технические изъяны в конструировании уголовно-правовых положений, формулируются предложения по их устройству. Отмечается особая роль Уголовного кодекса Российской Федерации в правовой защите информации (гл. 28).

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; закон; преступления в сфере компьютерной информации; информация; информационные отношения; статья; должностное лицо; примечание; терминологический инструментарий; законодательная ошибка; коллизии.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Пелевина А. В. Преступления в сфере компьютерной информации: реальное состояние и перспективы реализации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 120–128. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.015.

Original article

Computer Crime: Problems of Identifying the Corpus Delicti and Exercising Criminal Liability

ALLA V. PELEVINA

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, allochka_90@bk.ru

Abstract. The article considers computer crimes, studies their evolution, gives a doctrinal assessment of the real state, identifies legal and technical flaws in the construction of criminal law provisions, and formulates proposals for their correction. The special role of the Criminal Code of the Russian Federation in the legal protection of information is noted.

Key words: Constitution of the Russian Federation; Criminal Code of the Russian Federation; law; computer crimes; information; information relations; article; official; note; terminological tools; legislative error; collisions.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Pelevina A.V. Computer crime: problems of identifying the corpus delicti and exercising criminal liability. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 120–128. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.015.

Эволюция современного мира характеризуется массовым внедрением информационных технологий во все сферы человеческого бытия. Информационные отношения стали его неотъемлемой частью, важнейшим направлением деятельности законодательных и исполнительных органов государственной власти, учреждений и организаций, граждан, значимым фактором общественной жизни, определяющим стратегию и тактику развития мировой цивилизации [1, с. 75].

Изложенное выше положение нашло свое реальное воплощение в принятой 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации. Так, в Основном законе закреплено право на информацию, позволяющую обеспечить развитие свободного демократического общества. Регламентированное право на информацию принадлежит любому лицу, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также другим обстоятельствам, если оно находится на территории Российской Федерации.

Конкретизация указанного положения нашла свое подтверждение в п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, где провозглашается свобода информации, то есть право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом – посредством межличностного общения, средств массовой информации, материальных носителей информации. Кроме того, в п. 5 ст. 29 устанавливается запрет на цензуру массовой информации, а в п. 1 ст. 24 содержится запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни без согласия лица.

В различных национальных законодательных источниках конституционное положение закрепляет право на обладание, пользование, воспроизведение, защиту, уничтожение ненужной информации.

Особую роль в правовой защите информации играет Уголовный кодекс Российской Федерации. Свидетельством этому являются уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28), включенные в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Такой подход подтверждает стремление законодателя адекватно отразить потребности общества в уголовно-правовой охране информационных отношений [2, с. 635].

Уголовно-правовое обеспечение информационных отношений в современных условиях является одним из важнейших направлений деятельности субъектов уголовной политики [3]. Неслучайно за последнее время преступные элементы стали активно использовать средства коммуникации и массовой информации в своих противоправных целях. По различным оценкам, в мире получили возможность пользоваться Интернетом более четырех миллиардов лиц, в Российской Федерации количество пользователей превышает

87 млн. Доступность в использовании, мобильность и простота, оперативность, минимальность материальных затрат, быстрота и масштабы распространения информации, высокий уровень закрытости делают ее привлекательной для криминальных элементов [4, с. 237; 5, с. 4].

Глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» в первоначальной редакции УК РФ включала в себя три статьи: «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 272), «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» (ст. 273), «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» (ст. 274).

Продолжая законотворческую работу по совершенствованию нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, законодатель внес изменение в названия ст. 273 и 274. В настоящее время они получили новую редакцию: «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» (ст. 273 УК РФ); «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» (ст. 274 УК РФ) [6].

Одновременно с этим законодатель внес изменение в диспозиции указанных статей, а также включил две новые статьи об ответственности: за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) [7], нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ) [8].

Таким образом, в указанных статьях содержится описание шестнадцати составов преступлений. В частности, в ст. 272 УК РФ – четыре состава преступления, ст. 273 УК РФ – три, ст. 274 УК РФ – два, ст. 274.1 УК РФ – пять и ст. 274.2 УК РФ – два.

С учетом квалифицированных видов из числа преступлений в сфере компьютерной информации (16 составов) шесть деяний относятся к числу преступлений небольшой тяжести (ч. 1, 2, 3 ст. 272, ч. 1 ст. 274, ч. 1, 2 ст. 274.2 УК РФ), четыре средней тяжести (ч. 1, 2 ст. 273, ч. 2 ст. 274, ч. 1 ст. 274.1 УК РФ) и шесть тяжкие (ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, ч. 2, 3, 4, 5 ст. 274.1 УК РФ).

Применение такого юридико-технического приема конструирования составов преступлений позволило более точно установить степень общественной опасности посягательств, личности виновного и, исходя из этого, дифференцировать ответственность.

Вносимые в конструкции статей юридико-технические изменения законодатель снабдил тремя примечаниями. Так, в ст. 272 в примечании 1 сформулировано понятие компьютерной информации, под которой понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

В примечании 2 определены стоимостные критерии, позволяющие установить причиненный вред в результате совершения преступления (крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей). Одновременно с этим в примечании к ст. 274.2 УК РФ законодатель сформулировал дефиницию должностного лица [9].

Включенные в уголовный закон юридико-технические новации нельзя признать совершенными, отвечающими требованиям, предъявляемым к конструированию криминообразующих признаков, в связи с чем они породили следующие проблемы в их применении.

1. Проблемы использования понятия «должностное лицо». Согласно уголовно-правовой доктрине субъектом преступления признается лицо, обладающее юридически закре-

пленными в законе признаками: во-первых, совершенное деяние должно быть запрещено уголовным законом и обладать общественной опасностью; во-вторых, лицо, совершившее общественно опасное деяние, должно быть способно нести уголовную ответственность.

В ст. 19 УК РФ уголовную ответственность законодатель связывает с тремя обязательными признаками: физическое лицо, возраст, вменяемость. В некоторых случаях, кроме указанных выше признаков, характеризующих субъект преступления, он может обладать дополнительными признаками, влияющими на квалификацию совершенного лицом деяния.

Признаки специального субъекта в конструкциях диспозиций довольно часто закрепляются в уголовно-правовых нормах, где устанавливаются дополнительные признаки субъекта, включая ответственность должностных лиц.

Однако, несмотря на указанные выше положения, в ряде случаев принятые законодательные решения следует признать юридически не вполне обоснованными с точки зрения законодательной техники, противоречащими правовой логике, что ставит их под сомнение. Все это в полной мере следует отнести к установлению уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации должностного лица.

В первоначальной редакции законодатель в УК РФ выделил две группы субъекта преступления: должностное лицо и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации. Так, согласно примечаниям 1–4 к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» законодатель сформулировал дефиниции должностного лица применительно к лицу, занимающему государственные должности Российской Федерации, занимающему государственные должности субъекта Российской Федерации, а также государственных служащих и служащих в органах местного самоуправления.

Одновременно с этим в примечании 1 к ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» дано определение лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой и иной организации. Такой подход в конструировании признаков специальных субъектов позволил четко провести их разграничение исходя из выполнения ими служебных обязанностей в различных юридических образованиях.

Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ законодатель включил в УК РФ ст. 274.2, в которой предусмотрел ответственность за нарушение порядка установки, эксплуатации и модернизации в сети связи, технических средств, противодействию угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования, либо несоблюдение технических условий их установки или требований к сетям связи при использовании указанных технических средств, совершенный *должностным лицом* (курсив наш. – А. П.) или *индивидуальным предпринимателем* (курсив наш. – А. П.), подвергнутыми административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 13.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». В примечании к ст. 274.2 УК РФ указывается, что «под должностным лицом в настоящей статье понимается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации». В данном случае в примечании к ст. 274.2 УК РФ законодатель формулирует понятие должностного лица применительно к осуществлению выполняемой функции в коммерческой и иной организации, что противоречит ранее сформулированным положениям в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ под должностным лицом понимается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию осуществляющее функции предста-

вителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие в Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Кроме того, оно противоречит и примечанию 1 к ст. 201 УК РФ, в котором говорится о том, что «лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, за исключением организаций, указанных в п. 1 примечаний к статье 285 настоящего Кодекса, либо в некоммерческой организации, не являющимся государственным органом, органом местного самоуправления либо государственным или муниципальным учреждением, признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лицо постоянно, временно либо по специальному полномочию, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях» [9].

Изложенное выше положение свидетельствует о допущенных юридико-технических ошибках в определении специального субъекта в указанных примечаниях. Примененный юридико-технический прием в конструировании общей и специальной уголовно-правовой нормы свидетельствует о том, что специальная норма (ст. 274.2 УК РФ) не может содержать меньше криминообразующих признаков, чем общая (ст. 285 УК РФ).

Кроме того, возникает определенное сомнение в установлении ответственности и их несоразмерности в исследуемых статьях. Так, за совершение деяния, указанного в ст. 274.2 УК РФ, предусматривается наказание до трех лет лишения свободы, а в ст. 285 УК РФ – до четырех лет свободы.

На сегодняшний день законодатель не определил, кто именно признается в них должностным лицом, а кто – выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Решить возникшую проблему, по нашему мнению, позволит проведение унификации указанных понятий, используемых в ст. 201, 285 и 274.2 УК РФ.

2. Проблемы использования терминологического инструментария. Законодатель в процессе правотворческой деятельности при конструировании криминообразующих признаков диспозиции статей гл. 28 использует разнообразный терминологический инструментарий.

Важным при этом является исключение как юридико-технических, так и сущностно-содержательных ошибок, направленных на реализацию принципа унификации правовых

норм, то есть приведение их к единой форме. В процессе унификации как юридико-технического приема в уголовном законе обеспечивается единообразие конструирования уголовно-правовых положений, их четкость и строгость в описании, логичность, что позволяет упростить их, уменьшить в объеме. Все это будет способствовать правильному его применению, устраним неоправданные случаи дифференциации [10, с. 19–20].

Однако, несмотря на очевидность и бесспорность данных положений и на предпринимаемые меры, законодателю не удалось избежать ошибок. Примером может служить конструирование криминообразующих признаков в процессе законотворческой деятельности уголовно-правовых норм гл. 28 УК РФ, в частности терминов иностранного происхождения, таких как «блокирование», «модификация», «инфраструктура» и др., которые требуют в процессе применения определенности, ясности, доступности понимания сущностно-содержательных признаков, закрепленных в них [11, с. 116].

Такой юридико-технический прием при описании признаков противоправных деяний создает определенные трудности при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации правоприменителем. При уяснении тех или иных многочисленных терминов, сущностно-содержательных признаков в конструкциях диспозиций у правоприменителя в процессе их реализации возникает потребность в их уяснении. Подтверждением этому могут служить понятия, их юридико-техническая характеристика, содержащиеся в статьях, определяющих ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру (ст. 274.1 УК РФ), нарушение правил централизованного управления техническими средствами, противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ). Например, «компьютерная программа», «несанкционированное уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации», «нейтрализация средств защиты компьютерной информации», «средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации», «критическая информационная инфраструктура Российской Федерации» и т. д.

Указанный правовой терминологический инструментарий законодателем по понятным причинам не определяется. По мнению некоторых ученых, правоприменитель вынужден обращаться к текстам комментариев к УК РФ, которые даются научными, практическими работниками, которые в большей своей части носят субъективный, порой и противоречивый, а в ряде случаев взаимоисключающий характер [12, с. 464]. Применение данного приема в конструировании не может служить улучшением понимания закона, повышением его качества и в конечном не усилит ее превентивную силу.

В этих условиях высшая судебная инстанция также не дает каких-либо толкований данных терминов, что в определенной степени влияет на качество и эффективность правоприменительной деятельности при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации.

Обращение к нормативно-правовым актам не решает возникающих проблем. В частности, используемая в них терминология в сфере информационных отношений унифицирована недостаточно, а в ряде случаев носит противоречивый характер. Так, в Федеральном законе от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» законодатель в различных вариантах использует термин «информация»: это

сведения (сообщения, данные) независимо от форм их представления; «информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств»; информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Однако в уголовном законодательстве используемые криминообразующие признаки трактуются по-разному. Так, в ст. 280 и 282 УК РФ данный криминообразующий признак сформулирован как с «использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”», а в ст. 280.1 УК РФ – «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)» (выд. авт.). Примененный юридико-технический подход при формулировании криминообразующих признаков не только не свидетельствует о их единообразии, но и противоречит принципу унификации, что расширяет возможности его толкования в процессе правоприменительной деятельности.

Вызывают определенные затруднения толкование термина в использовании сети Интернет оборота в одном случае «в том числе», в другом «включая», что свидетельствует о лексических противоречиях. По мнению А. А. Бережного, во-первых, «в том числе» предполагает как наличие, так и отсутствие данного средства. «Включая» может указывать на его обязательное присутствие [13, с. 19]. Во-вторых, термин «электронные сети», примененный в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 280.1 УК РФ, не включен ни в основной квалифицированный состав ст. 282 УК РФ, ни в качестве квалифицированного состава ч. 2 ст. 280, ни в качестве основного и квалифицированного состава ст. 282 УК РФ.

Решение возникших внутриотраслевых коллизий видится в унификации формулировок, охватывающих все признаки характеризующих данное явление. Полагаем, что законодателю следует внести изменения в редакцию указанных статей и изложить ее аналогично имеющимся в ст. 280 УК РФ: с использованием средств массовой информации либо электронных или телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

В свою очередь в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646, определен термин «информационная инфраструктура» как совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации при регламентации ответственности преступлений в сфере компьютерной информации использует понятие «информационно-телекоммуникационная сеть», сфера компьютерной информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов А. П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации : учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 2007. С. 75.
2. Полный курс Уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 4. Преступления против общественной безопасности. 672 с.
3. Хасамова З. И. Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникативных технологий // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 117–120.

4. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 490 с.
5. Летелкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сети «Интернет» : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 218 с.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» : федер. закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4743.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5227.
9. О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.02.2021 № 16-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 9. Ст. 1463.
10. Кругликов Л. Л. Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. 310 с.
11. Кузнецов А. П. Бацин И. В. Негативные парадигмы конструирования норм главы 22 УК РФ // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 112–116.
12. Актуальные проблемы Особенной части Уголовного права : учеб. / отв. ред. И. А. Подройкина, С. И. Улеська. М., 2019. С. 464.
13. Бережной А. А. Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны в области противодействия преступлениям экстремистской направленности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 17–21.

REFERENCES

1. Kuznetsov A.P. *Otvetstvennost' za prestupleniya v sfere komp'yuternoi informatsii: ucheb. - prakt. posobie* [Responsibility for crimes in the field of computer information: textbook and practical guide]. Nizhny Novgorod, 2007. 127 p.
2. *Polnyi kurs Ugolovnogo prava: v 5 t. T. 4. Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti* [Complete course of criminal law: in 5 volumes. Volume 4. Crimes against public safety]. Ed. by Korobeev A.I. Saint Petersburg, 2008. 672 p.
3. Khasamova Z.I. On the specifics of qualifying crimes committed with the help of information and communication technologies. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2016, no. 1 (55), pp. 117–120. (In Russ.).
4. Petryanin A.V. *Kontseptual'nye osnovy protivodeistviya prestupleniyam ehkstremitstskoi napravlennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2015. 490 p.
5. Letelkin N.V. *Ugolovno-pravovoe protivodeistvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei, vklyuchaya seti "Internet": dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal law counteraction to crimes committed using information and telecommunication networks, including the Internet: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2018. 218 p.
6. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011. In: *Sobr.*

- zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2011. No. 50. Art. 7,362. (In Russ.).
7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the Adoption of the Federal Law "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation": Federal Law No. 194-FZ of July 26, 2017. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4,743. (In Russ.).
8. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law No. 260-FZ of July 14, 2022. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2022. No. 29 (Part II). Art. 5,227. (In Russ.).
9. On Amendments to Articles 201 and 285 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 16-FZ of February 24, 2021. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 9. Art. 1,463. (In Russ.).
10. Kruglikov L.L., Smirnova L.E. *Unifikatsiya v ugolovnom prave* [Unification in criminal law]. Saint Petersburg, 2008. 310 p.
11. Kuznetsov A.P., Batsin I.V. Negative paradigms of designing of standards of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (29), pp. 112–116. (In Russ.).
12. *Aktual'nye problemy Osobennoi chasti Ugolovnogo prava: ucheb.* [Actual problems of the Special Part of Criminal Law: textbook]. Ed. by Podroikin I.A., Ules'k S.I. Moscow, 2019. 768 p.
13. Berezhnoi A.A. Information security as an object of criminal law protection in the field of countering extremist crimes. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the 16th International Scientific and Practice Conference]. Moscow, 2019. Pp. 17–21. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЛА ВАЛЕРЬЕВНА ПЕЛЕВИНА – ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, allochka_90@bk.ru

ALLA V. PELEVINA – Assistant at the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Faculty of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, allochka_90@bk.ru

Статья поступила 05.10.2023

Научная статья

УДК 343.811

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.016

Некоторые проблемы предупреждения преступности в исправительных учреждениях

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САВУШКИН

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Аннотация. Достижение цели уголовно-исполнительного законодательства по предупреждению совершения осужденными преступлений в исправительных учреждениях возможно в условиях комплексного и всестороннего изучения ее причин и условий, а также анализа уровня латентной преступности. В статье поднимаются вопросы ведомственной категоризации преступлений, которая вступает в конфликт с категориями преступлений, установленными уголовным законодательством.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; дифференциация осужденных; лишение свободы; причины преступности; особо учитываемые преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Савушкин С. М. Некоторые проблемы предупреждения преступности в исправительных учреждениях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (24). С 129–134. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.016.

Original article

Some Issues of Crime Prevention in Correctional Institutions

SERGEI M. SAVUSHKIN

The Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Abstract. Achieving the goal of penal legislation to prevent convicted persons from committing crimes in correctional institutions is possible in the context of a comprehensive study of its causes and conditions, as well as an analysis of the level of latent crime. The article raises issues of departmental categorization of crimes, which conflicts with the categories of crimes established by criminal law.

Key words: penitentiary crime; differentiation of convicts; deprivation of liberty; causes of crime; specially considered crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Savushkin S.M. Some issues of crime prevention in correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 129–134. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.016.

Уголовно-исполнительное законодательство ставит своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. Исправление осужденных и оказание им помощи для последующей успешной ресоциализации невозможно в среде, в которой совершаются преступления, то есть в небезопасной пенитенциарной среде.

При исследовании проблем, связанных с предотвращением преступности, будем использовать понятие пенитенциарной преступности в узком смысле: это массовое, социально обусловленное, имеющее уголовно-правовой характер явление, представляющее собой совокупность всех совершенных в исправительных учреждениях осужденными преступлений за определенный период времени.

Предупреждение преступлений возможно только в условиях ясного представления уровня и структуры преступности в исправительных учреждениях. На сегодняшний день имеются факторы, которые не позволяют заниматься предупреждением преступности.

О наличии проблем в области правопорядка и законности в исправительных учреждениях можно судить на основании того, что в местах лишения свободы ежегодно совершаются такие преступления, как убийство, покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшее смерть потерпевшего, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, приобретение и сбыт наркотических средств, побеги из мест лишения свободы, иные преступления.

В. А. Уткин отмечает усиление консолидации значительной части осужденных в их стремлении противодействовать законным требованиям администрации исправительных учреждений [1, с. 157]. А. В. Кудрявцев и Р. Н. Сучков отмечают, что структура пенитенциарной преступности представлена достаточно широким кругом преступных деяний, однако специфическое место в ней занимают так называемые особо учитываемые преступления. По их мнению, к таковым относится ряд преступлений в соответствии со статистикой ФСИН России. Также ими указывается на то, что данные преступления, с учетом специфики функционирования учреждений, представляют существенную угрозу для пенитенциарной безопасности. Именно поэтому они и отнесены к категории особо учитываемых [2, с. 76–77].

Мы не можем согласиться с авторами относительно причин отнесения таких преступлений к особо учитываемым. Данные преступления вызывают большой общественный резонанс или затрагивают граждан, общественное мнение которых влияет на оценку деятельности территориальных органов ФСИН России. Особо учитываемые преступления считаются таковыми не из-за ведомственной статистики, а по причине того, что они выступают одним из показателей рейтинговой оценки эффективности деятельности территориальных органов ФСИН России.

Мы придерживаемся точки зрения О. В. Прониной, которая отмечает, что повышенное внимание в деятельности исправительных учреждений уделяется предупреждению особо учитываемых преступлений. Проводимая работа, по ее мнению, позволяет удерживать стабильную оперативную обстановку в исправительных учреждениях, своевременно пресекать негативные процессы, происходящие в среде осужденных [3, с. 110]. Повышенное внимание должно уделяться профилактике любых преступлений, совершение которых воз-

можно в пенитенциарной среде, держать на контроле какую-то группу преступлений представляется не обоснованным.

К особо учитываемым относятся преступления, квалифицируемые по ст. 105, 111, 206, 313 (побег из под охраны), ч. 1, 2 ст. 212 УК РФ. Ранее к указанной группе относились преступления, которые квалифицировались по ст. 321 УК РФ. Необходимо отметить, что ст. 313 УК РФ особо учитывается по ведомственной классификации общественной опасности преступления.

Ведомственная классификация преступлений опасна тем, что в определенной мере игнорируется законодательная градация категорий преступлений, установленная уголовным законом. Деление преступлений по степени общественной опасности является монопольным правом законодателя. В определенной мере управляемость исправительного учреждения является более приоритетной задачей, нежели безопасность осужденных к лишению свободы, что не совсем верно.

Согласно директиве ФСИН России от 27.11.2023 № 01-90285 «О приоритетных направлениях деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2024 году» в течение 2023 г. в пенитенциарных учреждениях зарегистрировано 641 преступление (АППГ – 853). Допущено 24 особо учитываемых преступления (АППГ – 33). В отчетах о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях (2-УИС), за 2022 и 2023 гг. указаны другие цифры. В 2023 г. всего зарегистрировано 885 преступлений (АППГ – 1100), из которых особо учитываемых 29 (АППГ – 47). Статистика только по исправительным колониям тоже в большинстве случаев не совпадает с вышеприведенной в директиве. Так, в 2023 г. зарегистрировано 626 преступлений (АППГ – 820), из которых особо учитываемых 14 (АППГ – 33).

В уголовно-исполнительной системе вопросам борьбы с преступностью уделяется большое внимание. В 2023 г. в результате оперативно-розыскных мероприятий, проведенных учреждениями и органами ФСИН России во взаимодействии с подразделениями МВД России и ФСБ России, возбуждались уголовные дела по ст. 210.1 УК РФ в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, что является эффективным превентивным средством борьбы с неформальной классификацией осужденных.

А. С. Морозов отмечает, что на сегодняшний день заложены основы правоприменительной практики судов по привлечению к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Во всех без исключения проанализированных им приговорах судов по привлечению к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии указывалось на то, что лицо признано вором в законе, то есть лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Таким образом, судебная практика идет по пути отождествления данных понятий посредством ссылки на мнения экспертов, раскрывающих содержание понятийного аппарата и иных элементов криминальной субкультуры и криминальной стратификации [4, с. 363].

По мнению Н. Н. Кутакова и Д. Г. Метлина, система мер предупреждения преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания путем применения установленных мер воспитательного воздействия не является совершенной и в целом делает процесс исполнения наказания контрпродуктивным. Они указывают на то, что на практике сотрудникам приходится сталкиваться с игнорированием предъявляемых требований со стороны одних осужденных и открытым противостоянием со стороны других [5, с. 201].

Профилактическая работа с осужденными отрицательной направленности является одной из самых приоритетных в деятельности исправительных учреждений. Проводимая

работа позволила выявить 77 группировок осужденных отрицательной направленности, 48 из которых разобщены. Выявлено и поставлено на оперативный и профилактический учет 267 лидеров уголовно-преступной среды, из которых 90 утратили свой преступный авторитет.

В рамках работы по предупреждению противоправных намерений лидеров уголовно-преступной среды, связанных с распространением криминальной субкультуры и идеологии запрещенного международного общественного движения «АУЕ», к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ привлечено 637 лиц.

А. В. Агарков и А. А. Шиков отмечают, что в настоящее время оперативные подразделения ФСИН России и иных правоохранительных органов ведут активную работу по выявлению и пресечению деятельности членов многочисленных ячеек экстремистской организации «АУЕ» в местах лишения свободы [6, с. 79]. Проводимая работа способствует укреплению правопорядка, улучшению состояния дисциплины среди осужденных и стимулированию их правопослушного поведения.

Одной из последних проблем, которой необходимо уделить внимание в рамках проводимого исследования, является профилактика проникновений на территорию исправительных учреждений запрещенных предметов, которые оказывают влияние на уровень преступности. В. А. Шиханов, Ж. Е. Ермуханов отмечают, что в настоящее время вопросы незаконного поступления запрещенных предметов на территорию учреждений ФСИН России очень актуальны [7, с. 145].

Н. В. Румянцевым и Д. Ф. Костаревым был проанализированы статистические данные изъятия запрещенных предметов в исправительных учреждениях с 2017 по 2022 г. По результатам исследования отмечается ежегодное увеличение количества изымаемых запрещенных веществ и предметов. По их мнению, указанная тенденция связана с изменением криминологической характеристики осужденных в худшую сторону [8, с. 177]. В исправительных учреждениях увеличивается доля лиц, осужденных два и более раз за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Также осужденные знают особенности надзора, обладают навыками сокрытия запрещенных предметов, более конспиративны при организации незаконных действий. Центральным аппаратом ФСИН России регулярно анализируются причины сложившейся ситуации и ставятся задачи перед территориальными управлениями, в которых наблюдается неблагоприятная ситуация по указанному направлению деятельности, по профилактике преступности.

В целях эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы необходимо установление групп основных показателей, отражающих в том числе информацию об уровне особо учитываемых преступлений в исправительных учреждениях. Статистические данные не дают полной картины преступности, хотя их анализ позволяет сделать определенные выводы о тенденциях в рассматриваемой сфере.

Для получения более полного представления об исследуемых явлениях необходимо учитывать уровень латентной преступности, которая обусловлена рядом обстоятельств субъективного и объективного характера, в частности влиянием на поведение осужденного норм, традиций криминального мира; спецификой деятельности исправительных учреждений, для которых цель работы – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как со стороны осужденных, так и иных лиц, что, в свою очередь, вынуждает к сокрытию от учета именно тех деяний, которые непосредственно посягают на установленный порядок исполнения наказания; существующей практикой оценки деятельности учреждений, которая поставлена в зависимость от количества зарегистрированных преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уткин В. А. «Концепция 2030» как идеология модернизации уголовно-исполнительной системы // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты : сб. материалов межданад. научно-практ. конф. (Новосибирск, 23 мая 2019 г.). Новокузнецк, 2019. С. 156–158.
2. Кудрявцев А. В., Сучков Р. Н. Современные детерминанты совершения в учреждениях уголовно-исполнительной системы особо учитываемых преступлений и характеристики личности потерпевших и лиц, совершивших данные преступления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 76–79.
3. Пронина О. В. Предотвращение особо учитываемых преступлений на территории исправительных учреждений как способ обеспечения личной безопасности осужденных // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 110–118.
4. Морозов А. С. Криминологический портрет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: по результатам анализа вступивших в силу обвинительных приговоров суда по части 4 статьи 210 УК РФ и статьи 210.1 УК РФ // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 361–371.
5. Кутаков Н. Н., Метлин Д. Г. Воспитательное воздействие в системе профилактики противоправных действий осужденных в отношении сотрудников исправительных учреждений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (44). С. 198–206.
6. Агарков А. В., Шиков А. А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 77–86.
7. Шиханов В. А., Ермуханов Ж. Е. Оборот запрещенных предметов на режимных территориях уголовно-исполнительной системы: вопросы криминализации // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3 (29). С. 144–148.
8. Румянцев Н. В., Костарев Д. Ф. Деятельность сотрудников исправительных учреждений по профилактике незаконного оборота запрещенных предметов // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 3 (23). С. 173–183.

REFERENCES

1. Utkin V.A. "The concept of 2030" as the ideology of modernization of the penal system. In: *Razvitie ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: organizatsionnye, pravovye i ehkonomicheskie aspekty: sb. materialov mezhdanarod. nauchno-prakt. konf. (Novosibirsk, 23 maya 2019 g.)* [Development of the penal system: organizational, legal and economic aspects: collection of materials of the International scientific and practical conference (Novosibirsk, May 23, 2019)]. Novokuznetsk, 2019. Pp. 156–158. (in Russ.).
2. Kudryavtsev A.V., Suchkov R.N. Modern determinants of committing crimes of special concern in institutions of the penal system and personality characteristics of victims and persons who committed these crimes. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2020, no. 2 (55), pp. 76–79. (In Russ.).
3. Pronina O.V. Prevention of highly counted crimes in correctional territories as shrayons. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of DSU*, 2023, vol. 45, no. 1, pp. 110–118. (In Russ.).
4. Morozov A.S. Criminological portrait of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy: based on the results of the analysis of the court's convictions that have entered into force under Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 361–371. (In Russ.).
5. Kutakov N.N., Metlin D.G. Educational influence in the system of illegal acts prevention of

convicted inmates against correctional staff employees. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2022, no. 1 (44), pp. 198–206. (In Russ.).

6. Agarkov A.V., Shikov A.A. Recording investigation into activities of criminal leaders and AUE extremist organization members. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 77–86. (In Russ.).

7. Shikhanov V.A., Ermukhanov Zh.E. Turnover of prohibited items in the regime areas of the penal system: criminalization issues. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 3 (29), pp. 144–148. (In Russ.).

8. Rumyantsev N.V., Kostarev D.F. Activities of correctional officers to prevent illegal trafficking of prohibited items. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 3 (23), pp. 173–183. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САВУШКИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, Томск, Россия, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

SERGEI M. SAVUSHKIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Статья поступила 04.03.2024

Научная статья

УДК 343.9

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.017

Содержание и значение криминалистической тактики в структуре криминалистического знания: терминологические аспекты

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СВЕТЛИЧНЫЙ

Тульский государственный университет, Тула, Россия, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Аннотация. Статья посвящена анализу дискуссионных вопросов относительно использования в теории и на практике ключевых терминов – криминалистической тактики как раздела криминалистической науки. Рассматриваются вопросы формирования и развития криминалистической тактики, анализируются научные подходы к ее содержанию, терминологической составляющей, обозначаются дискуссионные вопросы, требующие дальнейшего осмысления и обсуждения. Опираясь на правила терминологии и принимая во внимание этимологию и генезис термина «тактика», обосновывается позиция о том, что уместность его использования находится в прямой зависимости от конкретной следственной ситуации, обусловленной прогностической и поисковой деятельностью следователя.

Ключевые слова: криминалистика; терминологический аппарат; методология науки; криминалистические знания; криминалистическая тактика; следователь; следственные действия; тактика следственных действий; организация и подготовка следственного действия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Светличный А. А. Содержание и значение криминалистической тактики в структуре криминалистического знания: терминологические аспекты // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 1 (25). С. 135–143. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.017.

Original article

Content and Significance of Forensic Tactics in the Structure of Forensic Knowledge: Terminological Aspects

ALEKSANDR A. SVETLICHNYI

Tula State University, Tula, Russia, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Abstract. The article analyzes controversial issues regarding the use and usage in theory and practice of key terms of forensic tactics as a branch of forensic science. The author studies issues of formation and development of forensic tactics, analyzes

approaches of leading forensic scientists to its content, terminological component, identifies controversial issues that require further reflection and discussion in the scientific community. Based on the rules of terminology and taking into account the etymology and genesis of the term “tactics”, the author substantiates his position that the appropriateness of its use is directly dependent on the specific investigative situation caused by the predictive and search activities of the investigator.

Keywords: criminology; terminological apparatus; methodology of science; forensic knowledge; forensic tactics; investigator; investigative actions; tactics of investigative actions; organization and preparation of investigative action.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Svetlichnyi A.A. Content and significance of forensic tactics in the structure of forensic knowledge: terminological aspects. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 135–143. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.017.

Каждая наука в результате длительного процесса ее формирования и развития приобретает свою терминологию и понятийно-категориальный аппарат, усвоение и использование которого выступают показателем профессионализма в той или иной области знания. С другой стороны, степень сформированности понятийно-категориального аппарата науки является первостепенным показателем, своеобразным индикатором, характеризующим ее качественное состояние на том или ином этапе развития. Анализируя язык науки, выступающий важнейшим элементом ее методологии, мы можем рассуждать о степени ее зрелости. В то же время наличие терминологических проблем говорит не только об имеющихся теоретических недостатках, но и способствует возникновению многих проблем в сфере практической деятельности, так как затрудняет процесс взаимопонимания субъектов, создает сложности при их взаимодействии.

Ученые-криминалисты всегда осознавали высокую степень значимости вопросов терминологии науки и уделяли данным проблемам повышенное внимание в своих работах. Например, отдельные вопросы языка криминалистики были предметом исследования О. Я. Баева, А. Р. Белкина, Т. С. Волчецкой, Н. П. Майлис, Т. В. Толстухиной и других ученых, заложивших и продолжающих развивать фундаментальные основы науки о раскрытии и расследовании преступлений.

Как следует из анализа исторических научных трудов о становлении криминалистики как самостоятельной науки [1, с. 43; 2, с. 496; 3, с. 140; 4, с. 153; 5, с. 131], ее терминологический аппарат развивался и совершенствовался параллельно со всей наукой в целом.

В то же время рассматривая современный понятийный аппарат криминалистики, крайне важно понимать, в каких условиях он формировался, что оказало влияние на его развитие и обусловило специфику генезиса. На наш взгляд, как мы отмечали ранее в своих работах, современная криминалистика, обладая своими предметом и объектом исследования и выступая самостоятельной областью знания, первоначальное развитие получила на основе и под непосредственным влиянием и воздействием различных наук уголовно-правового цикла, в том числе уголовного сыска (в дальнейшем – уголовного процесса и уголовного розыска), уголовного права и др. [6, с. 71]. Именно поэтому и в наше время периодически возникают терминологические проблемы в отношении, например, криминалистического учения о розыске. Так, в 1920-е гг. некоторые ученые рассуждали о том, что розыск, преследование и задержание преступника, а также розыск предметов, добытых

преступным путем, относятся исключительно к проблемам уголовной (криминалистической) тактики [7, с. 21].

Анализ последующих исторических аспектов развития криминалистики показывает, что появление в ней новых направлений всегда выступало своеобразным импульсом для развития ее языка. При этом, как справедливо отмечают ученые, появление нового категориального аппарата связано не только с научно-техническим прогрессом, но и с расширением и развитием собственно криминалистического научного знания, что, в свою очередь, говорит о постоянных эволюционных процессах в криминалистике [8–10].

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на формирование терминологического аппарата криминалистики, послужило то обстоятельство, что она всегда для решения своих частных задач и внесения весомого вклада в достижение общей цели всех уголовно-правовых наук – противодействия преступности – брала на вооружение необходимые для этого разработки естественных, технических, экономических и иных наук. В настоящее время интеграционность происходящих в криминалистике процессов не вызывает сомнений [6; 10–12]. Безусловно, заимствования современных достижений науки, техники, искусства и ремесла и внедрение их в деятельность следователя или дознавателя приносят пользу при поиске, фиксации и изъятии необходимой доказательственной информации, способствуют формированию максимально полной доказательственной базы. Однако интеграционность криминалистики не всегда позитивно отражается на ее терминологическом аппарате. Далеко не все заимствования терминов происходят с учетом правил терминологии. Это создает определенные сложности и требует активного обсуждения в научном сообществе с целью выработки гармоничных решений данных методологических проблем.

Одним из примеров интеграции в криминалистику термина из области других наук является термин «тактика», который в настоящее время настолько удачно вошел в оборот теории раскрытия и расследования преступлений и в сферу практического применения, что его использование почти не вызывает ни у кого вопросов. Данный термин лежит в основе множества уже чисто криминалистических терминологических образований, например «тактика следственных действий», «тактический прием», «тактическая комбинация», «тактическое решение» и др. Более того, один из основополагающих разделов криминалистики – криминалистическая тактика – также содержит в своем названии этот термин.

Проведенный нами анализ учебников, монографий, статей и иных научных работ по криминалистике последних лет убедительно доказывает, что в подавляющем большинстве научных изысканий ученые при выработке рекомендаций по тому или иному следственному действию неизменно используют термин «тактика»: «тактика осмотра места происшествия», «тактика обыска или выемка», «тактика следственного эксперимента», «тактика допроса», «тактика проверки показаний на месте», «тактика предъявления для опознания» [13–18] и др. При этом мало кто принимает во внимание ту или иную следственную ситуацию, ставит этот вопрос в зависимость от прогностической и поисковой деятельности следователя или дознавателя.

Однако, если обратиться к истории возникновения данного термина, введения его в научный оборот, все становится не так однозначно и очевидно, возникают справедливые вопросы об уместности его употребления.

Обратимся к этимологии и значению термина «тактика». Согласно этимологическим словарям, слово происходит от др.-греч. *такτικός* – относящийся к построению войска, от *τάξις* – построение, расположение [19]. В французском языке (от *taxis* «строй») обозна-

чало «строевое искусство» [20]. Учитывая моду в Российском государстве XVII–XVIII вв. на французский язык, термин, как и многие другие, перекочевал в русский язык, где также стал активно употребляться, но преимущественно в сфере военного искусства. В частности, на первоначальном этапе употребления слово «тактика» использовалось для обозначения отдельной отрасли военной науки, которая занимала второстепенное положение по отношению к стратегии и оперативному искусству. Тактика предлагала изучение сущности боя, способов его ведения, выделение разнообразных закономерностей, на основе которых вырабатывались соответствующие рекомендации.

Спустя несколько десятилетий благодаря благозвучности, деривативности, способности к образованию терминологических единиц и другим положительным терминологическим признакам, способствующим интеграции термина в другие области знания, термин «тактика» вышел за пределы военного искусства и стал активно проникать в иные сферы. Неизменным осталось лишь то, что было присуще ему изначально: его употребление всегда обозначало соперничество, противоборство двух и более сторон (например, шахматная тактика, политическая тактика и др.).

Исходя из сказанного не сложно понять, почему термин «тактика» так легко вошел в сферу криминалистического знания, где элементам противоборства уделяется центральное значение, и весьма прочно укоренился в его терминологическом аппарате. Сам предмет криминалистики заключается в изучении закономерностей возникновения следов при совершении преступления, механизма преступлений, информации о нем, закономерностей собирания, исследования, анализа и использования доказательств, что способствует не только установлению или изобличению личности преступника, формированию доказательственной базы для дальнейшего привлечения виновных к уголовной ответственности, но и направлено на противодействие и борьбу с преступностью в целом.

Впервые термин «тактика» для рассмотрения вопросов и выработки рекомендаций при расследовании преступлений, то есть в криминалистической науке, был использован немецким ученым Л. Вейнгардом. На первых страницах изданной в начале XX в. в России его научной работе «Уголовная тактика» была такая фраза: «Цель этой книги – дать руководство к составлению планов (расследования) и их выполнению. Она имеет в виду дать криминалисту то, что дает военному стратегия и тактика. Поэтому я и назвал ее «уголовная тактика» [21, с. 5].

Это положило начало научным разработкам и рекомендациям по криминалистической тактике в рамках отдельной области знания, а в дальнейшем – самостоятельного раздела криминалистики.

Отметим, что уже на первоначальном этапе использования термина «тактика» в криминалистике позиции ученых относительно его места, значения и, главное, содержания довольно часто менялись. Например, А. Н. Васильев под тактикой предлагал понимать метод действия в расследовании для достижения цели, рассчитанный на оптимальный эффект при относительно минимальной затрате времени и сил [22, с. 250]. И. Вакарелски, В. Гуткунет, Е. У. Зицер в содержание тактики включали в основном способы и приемы следственных действий. А. Вайнгарт, И. Н. Якимов понимали тактику несколько шире и помимо приемов производства отдельных действий при расследовании преступлений включали в нее характеристику преступника, тайные способы общения преступников, классификацию способов совершения преступлений.

Проанализировав труды отечественных криминалистов до середины прошлого столетия, мы пришли к выводу, что криминалистическая тактика рассматривалась как часть кри-

миналистического знания, предметом исследования которой выступали, с одной стороны, отдельные аспекты организации следственной деятельности, с другой – общие положения частных методик расследования преступлений. Это было вызвано тем обстоятельством, что стали активно разрабатываться частные методики расследования преступлений, а их теоретические основы оставались в пределах сферы криминалистической тактики.

Однако в начале 1950-х гг. мнение ученых по данному вопросу несколько поменялось. На наш взгляд, связано это, прежде всего, с формированием теоретической части криминалистической методики расследования преступлений. Благодаря этому аспекту криминалистическая тактика трансформировалась в самостоятельный раздел, предметом исследования которого стали только элементы следственной деятельности.

Традиционным стало понимание криминалистической тактики, предложенное Р. С. Белкиным и Е. М. Лифшицом: это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, и приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений [23, с. 3].

В настоящее время криминалистическая тактика как общая система расследования преступлений занимает центральное место в криминалистике. Ввиду отсутствия общепринятого определения понятия «криминалистическая тактика» в научной литературе ведутся дискуссии в отношении ее роли в системе научного знания, толкования ее целей, структуры и задач.

Тем не менее в современных научных исследованиях доминирует мнение о роли криминалистической тактики как определенной системы рекомендаций о целесообразности применения того или иного приема в процессе расследования преступления.

Содержательную характеристику криминалистической тактике можно найти в определении И. О. Тюниса: «Это раздел криминалистики, представляющий собой систему научных положений и разработанных на их основе рекомендаций по организации и планированию расследования и судебного разбирательства, определению поведения лиц, осуществляющих доказывание, а также проведению отдельных следственных действий» [24, с. 11].

Как полагает В. Я. Карлов, криминалистическая тактика – это «система научных положений и рекомендаций по организации и планированию расследования и тактике проведения отдельных следственных действий, направленных на собирание и исследование доказательств по уголовным делам» [25, с. 3].

По обоснованному мнению Б.В. Ширшова, в содержательной части криминалистической тактики можно выделить несколько ее основных задач: разработка рекомендаций по организации, планированию расследования и проверке следственных версий; разработка тактических приемов подготовки и реализации тактических операций, а также отдельных следственных (судебных) действий; разработка рекомендаций применения специальных знаний при производстве следственных и судебных действий.

Заслуживает внимание позиция А. А. Бессонова, подчеркивающего, что суть содержания криминалистической тактики отражается во взаимосвязи с другими разделами криминалистики, прежде всего, криминалистической техникой и криминалистической методикой [26, с. 112]. Мы полностью поддерживаем точку зрения, что разработка наиболее эффективных тактических приемов и комбинаций должна происходить только на основе тесной интеграции криминалистических знаний всех разделов криминалистики.

Интересный взгляд на значение и содержание криминалистической тактики у В. Ю. Шепитько. Указанный автор вполне справедливо предлагает разграничивать такие понятия, как «тактика следственного действия» и «организация следственного действия». Так, например, выбор порядка проведения, например, обыска (последовательный, параллельный, встречный) не следует, по его мнению, относить к тактическим, его необходимо расценивать как порядок организации следственного действия [27, с. 10].

На наш взгляд, это абсолютно правильная позиция, корреспондирующая с этимологией и первоначальным смыслом и содержанием термина «тактика». Однако здесь стоит отметить, что провести четкие разграничения между «тактикой» и «организацией» довольно сложно. Как, например, расценивать организацию проведения тактической операции, необходимость которой возникает непосредственно в процессе этой тактической операции и организовать ее заранее было невозможно? Тем не менее, на наш взгляд, вполне логично разграничивать организацию расследования (планирование расследования, организация отдельных следственных действий и подготовка к ним; организация всего расследования в целом) от тактики проведения следственных действий. Однако, учитывая, что сделать это не всегда просто, тактика выполнения следственных действий и их организация должны обосновываться конкретной сложившейся следственной ситуацией.

Отдельного внимания заслуживает вопрос обоснованности использования термина «тактика» при выработке рекомендаций по проведению следственных действий. Мы полагаем, что его употребление будет уместно только лишь в тех случаях, когда в сложившийся момент расследования следственной ситуации присутствует элемент противоборства, который и будет обязывать следователя разрабатывать тактическую линию его поведения для получения максимально возможной доказательственной информации.

Исходя из этого получается, что, например, рекомендации по проведению допроса в бесконфликтной ситуации, когда следователь получает искренние признательные показания, будут вовсе не «тактическими». Или также некорректно употреблять термин «тактика» при описании линии поведения следователя, когда происходит обыск в отсутствие стороннего противодействия.

Поясним, что это вовсе не означает, что в указанных выше примерах не следует разрабатывать рекомендации для следователя для повышения эффективности производства следственных действий, они также нужны и важны, более того, могут быть весьма разнообразны в зависимости от конкретной сложившейся следственной ситуации. И в разделе «криминалистическая тактика» этим вопросам также уделяется внимание, ибо отсутствие разработанных в теории должных рекомендаций может привести к уничтожению или потере доказательственной информации (следователь не обеспечил сохранность имеющихся следов на месте преступления и они были повреждены дождем/снегом/ветром) либо признанию судом полученных доказательств недопустимыми (не было заранее обеспечено участие понятых, а в момент проведения следственного действия их не удалось найти из-за отдаленности места происшествия/позднего времени и т. д.).

Полагаем, что в описанных выше примерах корректнее использование терминов «организация» либо «подготовка».

Таким образом, в настоящее время важность криминалистической тактики как раздела криминалистики не вызывает сомнения. Это одна из важнейших ее составляющих, гармоничное сочетание которой с другими разделами науки обеспечивает выработку должных рекомендаций, направленных на повышение эффективности раскрытия и расследования

преступлений. Вместе с тем криминалистическая тактика не лишена ряда методологических проблем и противоречий, связанных с ее содержанием, терминологической составляющей, решение которых требует вынесения их в сферу научного обсуждения для последующей выработки гармоничных решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокун П. В., Журавлева О. С. История развития криминалистики в России // Эпоха науки. 2018. № 13. С. 40–44.
2. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. 486 с.
3. Никифоров В. Г. История развития криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 140–141.
4. Челышев А. И. История становления отечественной криминалистики // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 152–155.
5. Вытовтова Н. И. История развития методологии криминалистики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 130–133.
6. Светличный А. А. Генезис и некоторые современные тенденции формирования терминологического аппарата криминалистики // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 2 (53). С. 69–74.
7. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 2003. 496 с.
8. Балалаева М. В. Теоретические вопросы криминалистической экспертологии и практические аспекты ее реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 535–537.
9. Белицкий В. Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 9–15.
10. Светличный А. А. Интеграция научных знаний как фактор унификации и оптимизации формирования единой терминоведческой системы дисциплин уголовно-правового блока // Юридическое образование и наука. 2022. № 3. С. 36–41.
11. Светличный А. А. Интегрирование терминологических моделей смежных дисциплин уголовно-правового блока в единую терминологическую систему // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2 (59). С. 146–150.
12. Светличный А. А. Современные интеграционные процессы терминологического аппарата уголовно-правовых наук // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 102–113.
13. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 980 с.
14. Галимханов А. Б. Тактика допроса несовершеннолетнего обвиняемого с участием защитника // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию проф. Л. Л. Каневского. Уфа, 2019. С. 118–121.
15. Буланова К. Э., Гареева Э. Р. Тактика осмотра трупа на месте его обнаружения // Аллея науки. 2017. Т. 4, № 9. С. 682–685.
16. Ваньков Е. И. Тактика производства проверки показаний на месте // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посв. 50-летию Всерос. гос. ун.-та юстиции. Казань, 2020. С. 68–74.
17. Мазанова А. Д. Тактика предъявления для опознания // Вестник современных исследований. 2018. № 8.4 (23). С. 205–207.
18. Зварич А., Драганчук Е. Тактика контроля и записи переговоров: актуальные вопросы теории и практики // Бюллетень инновационных технологий. 2018. Т. 2, № 1 (5). С. 20–23.

19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М., Т. 4. 2009. 861 с.
20. Шанский Н. М. , Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004. 398 с.
21. Вейнгард Л. Уголовная тактика. Овруч, 1910. 463 с.
22. Васильев А. Н. Криминалистика. Следственная тактика (общие положения). М., 1971. 462 с.
23. Белкин Р. С., Лифшиц Е. М. Тактика следственных действий. М., 1997. 176 с.
24. Тюнис И. О. Криминалистика : учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 220 с.
25. Карлов В. Я. Криминалистическая тактика : учеб. пособие для бакалавров. М., 2013. 182 с.
26. Бессонов А. А. Криминалистическая тактика : учеб. М., 2015. 199 с.
27. Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков, 1995. 200 с.

REFERENCES

1. Sorokun P.V., Zhuravleva O.S. The development of legal education in Russia. *Epokha nauki = Age of Science*, 2018, no. 13, pp. 40–44. (In Russ.).
2. Belkin R.S. *Istoriya otechestvennoi kriminalistiki* [History of domestic criminology]. Moscow, 1999. 486 p.
3. Nikiforov V.G. History of criminology development. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 4, pp. 140–141. (In Russ.).
4. Chelyshev A.I. History of the formation of Russian criminology. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2006, no. 1, pp. 152–155. (In Russ.).
5. Vytovtova N.I. History of the development of criminology methodology. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, 2004, no. 3, pp. 130–133. (In Russ.).
6. Svetlichnyi A.A. Genesis and some modern trends in the formation of the terminological apparatus of criminology. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2023, no. 2 (53), pp. 69–74. (In Russ.).
7. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovolnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Handbook of criminal technique and tactics]. Moscow, 2003. 496 p.
8. Balalaeva M.V. Theoretical issues of forensic expert science and practical aspects of its implementation in law-making and law enforcement activities. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2022, no. 16, pp. 535–537. (In Russ.).
9. Belitskii V.Yu. Conceptual and categorical apparatus of forensic science. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2020, no. 1 (13), pp. 9–15. (In Russ.).
10. Svetlichnyi A.A. Integration of scientific knowledge as a factor of unification and optimization of the establishment of the unified terminology science system of criminal law disciplines. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*, 2022, no. 3, pp. 36–41. (In Russ.).
11. Svetlichnyi A.A. Integration of terminological models of related disciplines of the criminal law block into a unified terminological system. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, 2022, no. 2 (59), pp. 146–150. (In Russ.).
12. Svetlichnyi A.A. Modern integration processes of the terminological apparatus of criminal law sciences. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya Tula State University*, 2022, no. 1, pp. 102–113. (In Russ.).

13. *Kriminalistika: ucheb. dlya vuzov* [Criminalistics: study manual]. Ed. by Belkin R.S. Moscow, 2005. 980 p. (In Russ.).
14. Galimkhanov A.B. Tactics of interrogation of a minor accused with the participation of a defender. In: *Kriminalisticheskie problemy ehffektivnosti bor'by s prestupnost'yu i inymi pravonarusheniyami sredi molodezhi: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 95-letiyu prof. L.L. Kanevskogo* [Forensic problems of the effectiveness of combating crime and other offenses among young people: materials of the international scientific and practical conference, dedicated to the 95th anniversary of Prof. L.L. Kanevskii]. Ufa, 2019. Pp. 118–121. (In Russ.).
15. Bulanova K.E., Gareeva E.R. Tactics of examining a corpse at the place of its discovery. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2017, vol. 4, no. 9, pp. 682–685. (In Russ.).
16. Van'kov E.I. Tactics of on-site verification of testimony. In: *Gosudarstvo i obshchestvo: aktual'nye voprosy vzaimodeistviya: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf., posv. 50-letiyu Vseros. gos. un. yustitsii* [State and society: topical issues of interaction: materials of the II All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the All-Russian State University of Justice]. Kazan, 2020. Pp. 68–74. (In Russ.).
17. Mazanova A.D. Tactics of presentation for identification. *Vestnik sovremennykh issledovaniy = Bulletin of Modern Research*, 2018, no. 8 (23), pp. 205–207. (In Russ.).
18. Zvarich A., Draganchuk E. Tactics of control and recording negotiations: topical questions of theory and practice. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii = Bulletin of Innovative Technologies*, 2018, vol. 2, no. 1 (5), pp. 20–23. (In Russ.).
19. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Volume 4]. Moscow, 2009. 861 p.
20. Shanskii N.M., Bobrova T.A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language. Origin of words]. Moscow, 2004. 398 p.
21. Weingard L. *Ugolovnaya taktika. Ovruch* [Criminal tactics. Ovruch]. 1910. 463 p.
22. Vasil'ev A.N. *Kriminalistika. Sledstvennaya taktika (obshchie polozheniya)* [Criminalistics. Investigative tactics (general provisions)]. Moscow, 1971. 462 p.
23. Belkin R.S., Lifshits E.M. *Taktika sledstvennykh deistvii* [Tactics of investigative actions]. Moscow, 1997. 176 p.
24. Tyunis I.O. *Kriminalistika: ucheb. posobie* [Criminalistics: study manual]. Moscow, 2020. 220 p.
25. Karlov V.Ya. *Kriminalisticheskaya taktika: ucheb. posobie dlya bakalavrov* [Criminalistic tactics study manual for bachelors]. Moscow, 2013. 182 p.
26. Bessonov A.A. *Kriminalisticheskaya taktika: ucheb.* [Criminalistic tactics: textbook]. Moscow, 2015. 199 p.
27. Shepit'ko V.Yu. *Teoreticheskie problemy sistematizatsii takticheskikh priemov v kriminalistike* [Theoretical problems of systematization of tactical techniques in criminology]. Kharkov, 1995. 200 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СВЕТЛИЧНЫЙ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета, Тула, Россия, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

ALEKSANDR A. SVETLICHNYI – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Forensic Examination and Customs Affairs of the Tula State University, Tula, Russia, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Статья поступила 13.11.2023

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.018

Теоретическая характеристика оценочных понятий в уголовном праве

ЯНА МАКСИМОВНА ХАЛЕЗОВА

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
ykhalezova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается одно из средств юридической техники – оценочные понятия в уголовном праве, дается их теоретическая характеристика, делается вывод о том, что существование оценочных понятий в уголовном праве объективно и необходимо, однако наблюдается потребность в выработке универсального стандарта их законодательного закрепления и интерпретации.

Ключевые слова: уголовное право; юридическая техника; оценочные понятия; оценочные категории.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Халезова Я. М. Теоретическая характеристика оценочных понятий в уголовном праве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 144–151. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.018.

Original article

Theoretical Characteristics of Evaluative Concepts in Criminal Law

YANA M. KHALEZOVA

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ykhalezova@bk.ru

Abstract. The article considers one of the means of legal technique – evaluative concepts in criminal law, gives their theoretical characteristics, concludes that the existence of evaluative concepts in criminal law is objective and necessary, however, there is a need to develop a universal standard for their legislative consolidation and interpretation.

Keywords: criminal law; legal technique; evaluative concepts; evaluative categories.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Khalezova Ya.M. Theoretical characteristics of evaluative concepts in criminal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 144–151. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.018.

Наивысшая степень эффективности уголовного законодательства будет достигнута лишь тогда, когда все его нормы будут способны должным образом обеспечивать функционирование процессов, протекающих в обществе. Однако ввиду многогранности и динамичности социальной жизни формализовать весь объем подлежащих регулированию общественных отношений объективно не представляется возможным. По этой причине законодатель при конструировании норм Уголовного кодекса Российской Федерации обращается к одному из приемов юридической техники – к оценочным понятиям.

В юридической науке и практике единого представления об определении оценочных понятий, их роли и месте в механизме правового регулирования, в том числе уголовно-правового, до сих пор не сложилось.

Проблема оценочных понятий затрагивалась еще в дореволюционных трудах классиков наук криминального цикла (Н. С. Таганцева, П. И. Люблинского, Я. М. Фойницкого, Н. А. Неклюдова, С. В. Познышева и др.), которые не только вносили предложения по их уточнению, но и нередко критиковали законодателя за использование тех или иных оценочных формулировок. К сожалению, ими не было выработано комплексного подхода к их определению, признакам, видам, функциям и т. д.

В числе первых, кто системно подошел к изучению оценочных понятий в общей теории права, был профессор С. И. Вильнянский [1, с. 13–14], а в области уголовного права – Я. М. Брагинин [2, с. 63], В. Н. Кудрявцев [3, с. 120–129], М. И. Ковалев [4], А. В. Наумов [5, с. 97], Е. А. Фролов [6, с. 45–46], Н. Ф. Кузнецова [7], чьи идеи до сих пор представляют научную ценность. При этом в трудах упомянутых авторов имеются лишь общие представления об оценочных понятиях, требующие более детального осмысления.

Так, например, Я. М. Брагинин оценочными именовал понятия, «законодателем не определенные и конкретизируемые непосредственно при применении уголовного закона» [2, с. 63].

Академик В. Н. Кудрявцев, исследуя вопросы квалификации преступлений, частично затрагивал проблемы толкования оценочных понятий, определение содержания которых связывал с устоявшимися юридическими знаниями лиц, применяющих закон [8, с. 143].

М. И. Ковалев берет за основу утверждение о том, что оценочными можно считать категории, отражающие позицию интерпретатора [4, с. 70]. Согласно выведенной им юридико-технической формуле, «чем абстрактнее описаны действия... тем конкретнее должны быть указаны последствия этих действий. И наоборот!» [4, с. 73]. Необходимо отметить, что подобная формула большинством исследователей расценивается как универсальная.

Фундаментальными исследованиями доктрины советского уголовного права, посвященными оценочным понятиям, являются две монографические работы В. В. Питецкого [9] и С. Д. Шапченко [10].

Как отмечает В. В. Питецкий, к оценочным стоит относить признаки, позволяющие на законодательном уровне охватить достаточно значительный по объему круг правовых явлений, за счет того, что их содержание формулируется исходя из правосознания юриста [11, с. 12].

С. Д. Шапченко в своем диссертационном исследовании приходит к выводу, что это некие общие представления, необходимые законодателю для предоставления право-

применителю возможности самостоятельно регулировать общественные отношения [10, с. 12].

В конце XX в. в трудах В. П. Махоткина [12], Н. Г. Иванова [13], Т. В. Кленовой [4, с. 20–23] и Б. А. Миренского [15, с. 34] были затронуты вопросы, касающиеся теории и практики применения оценочных понятий в уголовном праве.

В начале 2000-х гг. научный интерес к данной теме значительно усилился, появились работы Н. А. Лопашенко [16], К. К. Панько [17, с. 300], Е. В. Кобзевой [18], А. А. Малиновского [19]. В понимании последнего оценочные категории есть результат обобщения правовой действительности, выраженный в общих чертах в законодательстве [19].

Б. Н. Коробец полагал, что оценочные понятия имеют неопределенное содержание для того, чтобы правоприменитель на основе оценки фактических обстоятельств преступного деяния мог самостоятельно их конкретизировать [20, с. 9].

Нельзя не упомянуть об ученых, изучавших общетеоретические аспекты законодательного существования оценочных понятий, таких как В. М. Баранов, В. А. Толстик [21, с. 156–183], С. И. Вильнянский [1], Т. В. Кашанина [22], А. Ф. Черданцев [23, с. 192] и др.

Существенный вклад в исследование рассматриваемой категории сделан Т. В. Кашаниной, которая придерживается позиции, что это предписания законодателя, обобщающие типичные свойства правовых реалий, детально им не разъясняемые, а конкретизируемые должностными лицами непосредственно в процессе применения права [22, с. 8].

По мнению профессора В. А. Толстика, под оценочными понимаются термины, характеризующие общие свойства абстрактных явлений правовой действительности на усмотрение интерпретатора [21, с. 167–168].

Проанализировав приведенные дефиниции, мы приходим к выводу о том, что несмотря на разнообразные формулировки оценочных понятий понимание их авторами во многом схоже, что позволяет выделить их конкретные признаки в уголовном праве:

- неконкретизированность в законе или ином нормативно-правовом акте;
- определимость их содержания правоприменителем исходя из конкретных обстоятельств дела;
- относительная свобода усмотрения их содержания лицом, применяющим закон;
- отражение не предмета в его целостности, а свойств или отношений этого предмета.

Приведем краткую характеристику каждого из признаков.

Неконкретизированность в законе или ином нормативно-правовом акте. На эту специфическую черту указывает большинство исследователей (Я. М. Брайнин, А. В. Наумов, А. А. Малиновский, Н. А. Лопашенко). Ее суть заключается в том, что законодатель не всегда способен однозначно описать признаки того или иного предмета, процесса или явления, что связано со сложностью, динамичностью и многообразием регулируемых общественных отношений. Все это обуславливает законодательную неопределенность, выражающуюся как в полном отсутствии составляющих содержание оценочного понятия признаков (например, аморальность ст. 61, 107, 113 УК РФ), так и в частичном, но не исчерпывающем перечислении их свойств (например, иные действия сексуального характера ст. 132–133 УК РФ) [24, с. 95]. По этой причине законодатель наделяет субъекта правоприменения некой самостоятельностью при выборе содержания оценочного понятия с учетом фактических обстоятельств дела.

Исходя из вышеизложенного вытекает следующий признак оценочных понятий, заключающийся в том, что их содержание определяется правоприменителем исходя из конкретных обстоятельств дела. Специфика уголовно-правовых норм с оценочными признаками

состоит в том, что решающим выводом об их содержании наделяется лицо, применяющее такую норму, с учетом всех предшествующих конкретному событию обстоятельств. Речь идет об объективных и субъективных началах толкования норм. Поэтому весьма кстати замечание В. Н. Кудрявцева, высказавшего мысль о том, что «усмотрение правоприменителя объективно по природе, так как зависит от фактических обстоятельств дела, и субъективно по характеру отражения реальных фактов в сознании должностных лиц» [3, с. 122].

Третий признак, относящийся к исследуемой категории, заключается в наличии относительной свободы усмотрения ее содержания лицом, применяющим закон. Он выражается в установленной законом автономности правоприменителя, соединенной с уровнем его правосознания и системой профессиональных ценностей, определяющей его отношение к каждому конкретному делу [25, с. 94].

Помимо вышеперечисленных признаков Е. В. Кобзева выделяет еще один – отражение не предмета в его целостности, а свойств или отношений этого предмета [24, с. 96]. Она полагает, что оценочное понятие отражает не само общественно опасное деяние, а какую-либо его внутреннюю характеристику, черту (например, аморальный, систематичный и т. д.) [24, с. 96].

Стоит также сказать о том, что до сих пор в юридической литературе не сложилось однозначного подхода к сущности и эффективности использования оценочных понятий в уголовном праве. По мнению профессора П. И. Люблинского, в кодекс не должны вводиться неопределенные и расплывчатые понятия [26, с. 15].

С. С. Тихонова, высказывая свое мнение по данному поводу, полагает, что подобный оценочно-правовой подход к содержанию уголовно-правовых предписаний на практике способен превратиться в произвол [27, с. 98]. М. П. Пронина, например, считает, что перенасыщение права оценочными категориями является барьером как в восстановлении нарушенных прав, так и в их реализации [28, с. 188]. Т. А. Лесниевски-Костарева разделяет перечисленные мнения и выступает за полный отказ от употребления оценочных понятий при конструкции уголовно-правовых норм [29, с. 304]. Ряд специалистов, напротив, относится к сторонникам существования оценочных категорий в праве. По мнению Т. В. Кашаниной, это своего рода амортизаторы в праве, позволяющие регулировать конкретную ситуацию с учетом ее особенностей [22].

Нельзя согласиться с категоричным отказом ряда исследователей от использования оценочных понятий в уголовном законе, поскольку их существование обуславливается самим ходом общественного бытия. Стремительно развивающиеся общественные отношения, преступные проявления всегда находятся на шаг впереди законодателя, не обладающего возможностью незамедлительно по ряду объективных причин реагировать на них. В этой связи применение в уголовном законе оценочных понятий является одним из способов минимизации подобных ситуаций, способствующим оперативному воздействию на уголовно-правовые отношения без законодательной санкции [30, с. 101].

По мнению В. В. Питецкого, использование оценочных понятий в уголовном праве следует связывать с наличием в общественной жизни большого количества многообразных явлений, требующих уголовно-правового опосредования, обеспечивающегося за счет использования, при формулировании уголовно-правовых норм, оценочных понятий. Кроме того, указывает В. В. Питецкий, прогностические возможности правотворческих органов, связанные с предвидением развития преступности, сильно ограничены. Это препятствие преодолевается различными средствами, среди которых наиболее продуктивными предстают оценочные понятия [9, с. 9].

Законодатель не должен и не может формализовать все признаки состава преступления и понятия, связанные с условиями его применения, эту задачу как раз таки и решают оценочные категории [31, с. 95].

В заключение отметим, что существование оценочных понятий в уголовном праве объективно и необходимо. Однако их применение в законодательстве должно отвечать требованию целесообразности, при формулировании уголовно-правовых положений их необходимо использовать только тогда, когда без них невозможно обойтись. Чрезмерное количество оценочных понятий может повлечь за собой произвол в виде усмотрения правоприменителя, что недопустимо в правовом государстве. С другой стороны, они делают нормы гибкими и динамичными, расширяют сферу их действия. Следует согласиться с мнением профессора Т. В. Кленовой о том, что усилия научного сообщества должны быть направлены не на обоснование необходимости увеличения (уменьшения) оценочных понятий, а на определение правил их применения и толкования [31, с. 95], выработку универсального стандарта их интерпретации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вильнянский С. И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института, Вып. 7. Харьков, 1956. С. 3–18.
2. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. 240 с.
3. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. 324 с.
4. Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68–74.
5. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. 176 с.
6. Фролов Е. А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы уголовного права и криминологии : сб. науч. тр. Свердловск, 1973. 226 с.
7. Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и языка закона // Социалистическая законность. 1973. № 9. С. 29–33.
8. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 301 с.
9. Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. 16 с.
10. Шапченко С. Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. 24 с.
11. Питецкий В. В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства // Советская юстиция. 1991. № 2. С. 12–13.
12. Махоткин В. П. Оценочные понятия в уголовном праве и проблемы разработки нового законодательства // Проблемы формирования социалистического правового государства : труды Академии МВД СССР. М., 1991. С. 75–82.
13. Иванов Н. Г. Об унификации оценочных признаков уголовного закона // Российская юстиция. 1996. № 4. С. 18–26.
14. Кленова Т. В. Объективное и субъективное в процессе квалификации преступлений // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации : межвуз. сб. науч. ст. Самара, 1990. С. 20–30.
15. Миренский Б. А. Теоретические основы разработки уголовного законодательства (на материалах независимых государств Средней Азии и Казахстана : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1993. 44 с.
16. Лопашенко Н. А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 2. С. 28–38.

17. Паныко К. К. Техничко-юрідическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 291–301.
18. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в Уголовном законе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 318 с.
19. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 268–272.
20. Коробец Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 21 с.
21. Юридическая техника : учеб. / под ред. В. М. Баранова. М., 2021. 648.
22. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 17 с.
23. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. 195 с.
24. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2004. 226 с.
25. Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973. 159 с.
26. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Петроград, 1917. 268 с.
27. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций. Н. Новгород, 2008. 244 с.
28. Пронина М. П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование : моногр. М., 2021. 352 с.
29. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 2000. 387.
30. Кобзева Е. В. Казуальное толкование уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. 99–104.
31. Кленова Т. В. Оценочные понятия Уголовного кодекса Российской Федерации проблемы законодательного и судебного толкования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 94–97.

REFERENCES

1. Vil'nyanskii S.I. Application of the norms of Soviet law. *Uchenye zapiski Khar'kovskogo yuridicheskogo instituta = Scientific Notes of the Kharkov Law Institute*, 1956, no. 7, pp. 3–18. (In Russ.).
2. Brainin Ya.M. *Ugolovnyi zakon i ego primenenie* [Criminal law and its application]. Moscow, 1967. 240 p.
3. Kudryavtsev V.N. *Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestuplenii* [Theoretical foundations of the qualification of crimes]. Moscow, 1963. 324 p.
4. Kovalev M.I. The optimal ratio of formal and evaluative in criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1973, no. 11, pp. 68–74. (In Russ.).
5. Naumov A.V. *Primenenie ugolovno-pravovykh norm* [Application of criminal law norms]. Volgograd, 1973. 176 p.
6. Frolov E.A. Stability of the law and the correlation of formally defined and evaluative concepts in criminal law. In: *Problemy ugolovnogo prava i kriminologii: sb. nauch. tr.* [Problems of criminal law and criminology: collection of scientific works]. Sverdlovsk, 1973. 226 p. (In Russ.).
7. Kuznetsova N.F. The effectiveness of criminal law norms and the language of law. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1973, no. 9, pp. 29–33. (In Russ.).
8. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [General theory of qualification of crimes]. Moscow, 1972. 301 p.

9. Pitetskii V.V. *Otsenochnye ponyatiya v sovetskom ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Evaluative concepts in Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1979. 16 p.
10. Shapchenko S.D. *Otsenochnye priznaki v sostavakh konkretnykh prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Evaluative signs in the composition of specific crimes: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kiev, 1988. 24 p.
11. Pitetskii V.V. Specification of evaluative features of criminal law. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1991, no. 2, pp. 12–13. (In Russ.).
12. Makhotkin V.P. Evaluative concepts in criminal law and problems of developing new legislation. In: *Problemy formirovaniya sotsialisticheskogo pravovogo gosudarstva: trudy Akademii MVD SSSR* [Problems of forming a socialist rule of law: proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow, 1991. Pp. 75–82. (In Russ.).
13. Ivanov N.G. On the unification of evaluative features of criminal law. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 1996, no. 4, pp. 18–26. (In Russ.).
14. Klenova T.V. Objective and subjective in the process of qualifying crimes. In: *Ugolovnaya otvetstvennost': osnovaniya i poryadok realizatsii: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Criminal liability: grounds and procedure for implementation: interuniversity collection of scientific articles]. Samara, 1990. Pp. 20–30. (In Russ.).
15. Mirenskii B.A. *Teoreticheskie osnovy razrabotki ugovnogo zakonodatel'stva (na materialakh nezavisimyykh gosudarstv Srednei Azii i Kazakhstana: avtoref. ... dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical foundations of the development of criminal legislation (based on the materials of the independent states of Central Asia and Kazakhstan: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1993. 44 p.
16. Lopashenko N.A. Once again about the evaluation categories in the legislative formulations of crimes in the field of economic activity. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2002, no. 2, pp. 28–38. (In Russ.).
17. Pan'ko K.K. Technical and legal quality of the internal properties of the criminal law. In: *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie: sb. st. v 2 t.* [Lawmaking technique of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles in 2 volumes]. Nizhny Novgorod, 2001. Pp. 291–301. (In Russ.).
18. Kobzeva E.V. *Otsenochnye priznaki v Ugolovnom zakone: dis. ... kand. yurid. nauk* [Evaluative features in Criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2002. 318 p.
19. Malinovskii A.A. Evaluative concepts in legislation. In: Baranov V.M. (Ed.). *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie: sb. st. v 2 t.* [Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles in 2 volumes]. Nizhny Novgorod, 2001. Pp. 268–272. (In Russ.).
20. Korobets B.N. *Otsenochnye ponyatiya v rossiiskom ugovnom prave (sotsial'naya obuslovlennost' i yuridicheskaya sushchnost'): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Evaluative concepts in Russian criminal law (social conditionality and legal essence): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2007. 21 p.
21. *Yuridicheskaya tekhnika: ucheb.* [Legal technique: textbook]. Ed. by Baranova V. M. Moscow, 2021. 648 p.
22. Kashanina T.V. *Otsenochnye ponyatiya v sovetskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Evaluative concepts in Soviet law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1974. 17 p.
23. Cherdantsev A.F. *Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava* [Issues of interpretation of Soviet law]. Sverdlovsk, 1972. 195 p.
24. Kobzeva E.V. *Otsenochnye priznaki v ugovnom zakone* [Evaluative signs in criminal law]. Ed. by Lopashenko N.A. Saratov, 2004. 226 p.
25. Bokhan V.F. *Formirovanie ubezhdeniya suda* [Formation of the court's conviction]. Minsk, 1973. 159 p.

26. Lyublinskii P.I. *Tekhnika, tolkovanie i kazuistika Ugolovnogo kodeksa* [Technique, interpretation and casuistry of the Criminal Code]. Petrograd, 1917. 268 p.
27. Tikhonova S.S. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovnom prave: kurs lektsii* [Legal technique in criminal law: course of lectures]. Nizhny Novgorod, 2008. 244 p.
28. Pronina M.P. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovnom zakonodatel'stve: teoretiko-prikladnoe issledovanie: monogr.* [Legal technique in criminal legislation: theoretical and applied research: monograph]. Moscow, 2021. 352 p.
29. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti: teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal liability: theory and legislative practice]. Moscow, 2000. 387 p.
30. Kobzeva E.V. Casual interpretation of criminal law norms containing evaluative signs. In: *Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the International scientific and practical conference]. Moscow, 2004. Pp. 99–104. (In Russ.).
31. Klenova T.V. Evaluative concepts of the Criminal Code of the Russian Federation problems of legislative and judicial interpretation. In: *Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy 4-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2007. Pp. 94–97. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯНА МАКСИМОВНА ХАЛЕЗОВА – соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, ykhalezova@bk.ru

YANA M. KHALEZOVA – External Doctoral Candidate at the Department of Criminal and Penal Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, ykhalezova@bk.ru

Статья поступила 16.11.2022

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.019

Полномочия следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее важные аспекты реализации следователем своих полномочий по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса. Автор исходит из того, что для жалоб, в которых должностные лица, занимающиеся производством по уголовному делу, излагают свою позицию, отличающуюся от точки зрения их непосредственного руководителя или осуществляющего надзор прокурора, предусмотрена специальная процессуальная процедура подачи, рассмотрения и разрешения обращений такого рода. Используя официальные статистические данные, правовые аналогии и результаты сравнительного анализа жалоб и ходатайств, он приходит к выводу о том, что уровень законности российского уголовного судопроизводства пока оставляет желать лучшего, в связи с чем востребованность процедуры уголовно-процессуального обжалования остается довольно высокой. Приводятся аргументы в пользу назревшей необходимости совершенствования норм действующего уголовно-процессуального законодательства в этой части и формулируются предложения, способные повысить как процессуальную самостоятельность следователя, так и правовую защищенность участников досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: жалоба; нарушения закона; обжалование; письменные возражения; предварительное следствие; прокурор; руководитель следственного органа; следователь; уголовное судопроизводство; ходатайство.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шаталов А. С. Полномочия следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 152–162. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.019.

Original article

The Investigator's Powers to Appeal the Prosecutor's Decisions Taken at Pre-Trial Stages of the Criminal Process

ALEKSANDR S. SHATALOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Abstract. The article considers crucial aspects of the investigator's exercise of powers to appeal the prosecutor's decisions taken at pre-trial stages of the criminal process. The author proceeds from the fact that for complaints in which officials involved in criminal proceedings state their position, which differs from the point of view of their immediate supervisor or the supervising prosecutor, a special procedural procedure is provided for filing, reviewing and resolving appeals of this kind. Using official statistical data, legal analogies and results of a comparative analysis of complaints and petitions, he concludes that the level of legality of Russian criminal proceedings still leaves much to be desired, and therefore the demand for the procedure of criminal procedural appeal remains quite high. Arguments in favor of improving norms of the current criminal procedure legislation in this part are presented and proposals are formulated that can increase both procedural independence of the investigator and legal protection of participants in pre-trial proceedings in criminal cases.

Keywords: complaint; law violation; appeal; written objections; preliminary investigation; prosecutor; head of the investigative body; investigator; criminal proceedings; petition.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shatalov A.S. The investigator's powers to appeal the prosecutor's decisions taken at pre-trial stages of the criminal process. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 152–162. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.019.

Процессуальные потребности участников уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном обжаловании были и остаются довольно высокими. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что количество жалоб на разного рода нарушения законности при возбуждении уголовного дела и производстве предварительного расследования ежегодно исчисляется тысячами. Органами прокуратуры, например, в 2021 г. было учтено 4 251 163 таких нарушения, а в 2022 г. – 4 212 828 [1]. Это свидетельствует не только о том, что состояние законности при производстве по уголовным делам пока оставляет желать лучшего, но и о назревшей необходимости совершенствования нормативных положений УПК РФ с целью повышения гарантий защищенности участников уголовного судопроизводства. Кроме того, сохраняет остроту проблема дифференциации уголовно-процессуального обжалования. С учетом постоянно увеличивающейся сферы его применения процессуалисты говорят о необходимости совершенствования его структуры и принципов формирования [2–5]. В качестве наиболее важных проблем теоретического характера ими упоминаются неразвитость терминологического аппарата, отсутствие научно обоснованных определений таких понятий, как «обжалование», «субъект права обжалования», «объект обжалования», «предмет обжалования», «свобода обжалования», «злоупотребление

правом на обжалование», оказывающих влияние на правоприменительную деятельность, а также закономерности развития обжалования, типологические и видовые сходства и отличия его элементов в отдельных стадиях и производствах [6;7].

Одним из фундаментальных положений, на которых строится уголовное судопроизводство, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве провозглашено право на обжалование процессуальных действий и решений. Процессуалисты в своих исследованиях придают этому принципу уголовного судопроизводства не только правоохранительный смысл [8, с. 79], но и рассматривают его как способ обеспечения права на ходатайство [9, с. 145], а сами ходатайства и жалобы – как наиболее действенное средство стимулирования процессуальной активности участников уголовного судопроизводства [10, с. 39]. Сущностной характеристикой данного права справедливо признается свобода обжалования, распространенная на действия и решения органов и должностных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. Гарантируя заинтересованным лицам возможность обращаться с жалобами, законодатель стремится к обеспечению реальной состязательности и равноправия сторон, позволяет их представителям восстанавливать нарушенные права и защищать законные интересы, предупреждает различные злоупотребления и иные нарушения законности [11, с. 4]. Свобода обжалования проявляется также в возможности подачи жалобы каждым гражданином, чьи права и законные интересы оказались нарушенными, в отсутствие законодательных предписаний относительно формы и содержания жалобы, в возможности выбора языка, на котором она составляется, а также в недопустимости незаконного преследования обратившихся с ней лиц.

Нормативные положения, относящиеся к порядку обжалования, довольно многочисленны и содержатся практически во всех разделах УПК РФ. Но их действие, как правило, распространяется на частные случаи подачи жалоб. Что касается общего порядка обжалования действий и решений суда и должностных лиц, то он регламентирован нормами гл. 16 УПК РФ (ст. 123–127). Содержащееся в ней правовое регулирование свидетельствует, в частности, о том, что подача жалоб имеет много общего с заявлением ходатайств. На это обстоятельство обращают внимание в своих работах процессуалисты [12, с. 25]. Тем не менее это различные по своей юридической природе официальные обращения участников уголовного судопроизводства, большинство из которых целенаправленно занимается правоохраной. Их ходатайства выступают в качестве персонализированного процессуального средства, предназначенного для устранения разного рода упущений в деятельности органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора или суда, а само обращение с ходатайством призвано инициировать совершение вполне определенных процессуальных действий и принятие конкретных решений, которых по разным причинам пока еще не было. В то время как мотивом обжалования выступает стремление заявителя или его представителей не только выразить отрицательное отношение к уже имевшим место действиям (бездействию) и решениям органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, но и признать ничтожными их последствия или добиться их скорейшего пересмотра в свою пользу. Иными словами, обжалование действий и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда рассматривается законом не только в качестве наиболее надежного средства обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, но и полноценного способа устранения имевших место нарушений закона. Причем те участники уголовного судопроизводства, которые в силу своей принадлежности

к тому или иному правоохранительному органу государства обязаны выполнять правоохранительную функцию, также обладают правом на обращение с жалобой, но только в специально оговоренных законом случаях, а правом заявлять ходатайства они не наделены. С учетом того что некоторые решения по ходатайствам не могут быть обжалованы, нам не представляется возможным согласиться с тем, что «право на подачу жалобы выступает средством обеспечения права на заявление ходатайства и возражение» [13 с. 6]. Вместе с тем процессуалисты, разделяющие данное мнение, правильно обращают внимание на то, что право на жалобу охватывает не только возможность не согласиться с решением по ходатайству, но и выразить несогласие по многим иным поводам [14, с. 108, 109]. В следственной и судебной практике к ним, в частности, принято относить: предъявление надуманных требований к жалобам участников уголовного судопроизводства; несоблюдение разумных сроков принятия, регистрации и рассмотрения жалоб; их разрешение по правилам, не предусмотренным действующим уголовно-процессуальным законодательством; рассмотрение по правилам уголовного судопроизводства жалоб, напрямую не связанных с уголовно-процессуальными правоотношениями; отказ в принятии жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ, и др.

Иногда ходатайства и жалобы сливаются воедино. Это происходит, когда обжалование сопровождается одной или несколькими официальными просьбами, то есть ходатайствами. И наоборот: в ходатайстве может быть выражена жалоба, поскольку одновременно с просьбой о производстве каких-либо действий или принятии решений в нем может указываться на нарушение прав и законных интересов лица, допущенное, к примеру, в результате отказа в удовлетворении ранее заявленного ходатайства. Вместе с тем обжалование неединственное средство обнаружения ошибок и устранения нарушений закона, допущенных участниками уголовного судопроизводства. Например, суд, осуществляя правосудие, вправе самостоятельно и независимо принимать меры по устранению нарушений, допущенных органами дознания и предварительного следствия с целью восстановления прав участников уголовного судопроизводства и создания всех необходимых условий для рассмотрения дела по существу [15]. В результате этим лицам обеспечивается гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту их прав и свобод.

Участники уголовного судопроизводства пользуются этим правом довольно активно, что подтверждается следующими официальными статистическими данными. В следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, например, с учетом жалоб, разрешенных в порядке ст. 124 УПК РФ, в 2022 г. было рассмотрено 611 537 обращений [16]. В органах прокуратуры в том же году было рассмотрено 387 876 жалоб, 85 974 (22 %) из которых были удовлетворены [17]. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в областных и равных им судах в 2022 г. было рассмотрено 429,4 тыс. представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) в порядке судебного контроля, исполнения приговоров и др. [18]. За первое полугодие 2023 г. в суды поступило 55 718 жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, многие из которых разрешения не получили. Из общего их числа было удовлетворено 1920 (3,4 %) жалоб, отказано в удовлетворении по 9139 (16,4 %) жалобам, а по 42 571 (76,4 %) производство было либо прекращено, либо они были отозваны, возвращены или переданы по подсудности [19].

Приведенные статистические данные позволяют убедиться в том, что действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда довольно активно

обжалуются в порядке, установленном нормами гл. 16 УПК РФ, участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Наиболее часто этим правом они пользуются в досудебном производстве по уголовному делу. Адвокат, например, по просьбе своего подзащитного или собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к нему иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы этого лица. Нередкими являются случаи, когда своим правом обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора или руководителя следственного органа, соответственно, вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа пользуются должностные лица, осуществляющие производство по уголовным делам (ч. 4 ст. 124 УПК РФ). Так, в случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан представить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора (ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Следовательно, принадлежность дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора к стороне обвинения и выполнение ими одной и той же процессуальной функции не исключают возникновения у них существенных разногласий по наиболее важным вопросам предварительного расследования. Как правило, они влекут за собой обжалование следователем наиболее важных решений, принятых прокурором, в том числе: об отмене постановления о возбуждении уголовного дела; о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия; об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Каждое из этих решений упоминается в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Однако их перечень исчерпывающим не является. В нем, например, не упоминается о предусмотренном ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ праве следователя обжаловать вышестоящему прокурору постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Причем данное решение может быть обжаловано не только самим следователем, но и поддознаваемым, обвиняемым и их защитниками.

Все эти предусмотренные законом возможности указывают на то, что обжалование следователем решений прокурора является неотъемлемой частью права на обжалование процессуальных действий и решений как такового. Его присутствие в общей системе принципов уголовного судопроизводства обусловлено необходимостью осуществления защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также подвергнутых уголовному преследованию лиц от незаконного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод. При этом установленный ч. 1–3 ст. 124 УПК РФ порядок рассмотрения прокурором или руководителем следственного органа жалоб участвующих в уголовном процессе частных лиц, не согласных с действиями (бездействием) и решениями должностного лица, осуществляющего производство по делу на начальных стадиях уголовного процесса, не распространяется на указанный в ч. 4 данной статьи порядок обжалования следователем действий (бездействия) и решений руководителя следственного органа или прокурора руководителю вышестоящего следственного органа или вышестоящему прокурору в порядке ведомственного контроля или прокурорского надзора. Следовательно, для жалоб такого рода, в которых должностные лица, занимающиеся производством по уголовному делу, вправе изложить свою позицию, расходящуюся с точкой зрения их непосредственно-

го руководителя или осуществляющего надзор прокурора, предусмотрена специальная, отличная от других процедура рассмотрения и разрешения. Ее закрепление в данной статье УПК РФ означает, что «автономные споры органов предварительного расследования и прокурора относительно существа или объема обвинения и квалификации содеянного соответствуют публично-правовой природе уголовного процесса» [20]. В этой связи закрепленный в УПК РФ порядок обжалования следователем отдельных решений прокурора не распространяется на лиц, отстаивающих в ходе досудебного производства по уголовным делам свои личные интересы. Следовательно, он не может расцениваться как нарушающий их права и законные интересы.

Право следователя на обжалование ограничено не только рамками возбуждения уголовного дела и предварительного расследования как начальных стадий уголовного процесса, но и четко определенным в законе кругом решений прокурора, которые он вправе обжаловать. Но в любом случае каждый акт их обжалования – это продукт волеизъявления следователя, сопряженный с необходимостью получения согласия руководителя следственного органа на направление жалобы вышестоящему прокурору. Следователи Следственного комитета Российской Федерации, например, в течение последних пяти с половиной лет (с 2018 по 2022 г. и первое полугодие 2023 г.) 2056 раз обжаловали решения прокуроров об отмене постановлений о возбуждении уголовного (в том числе в 2018 г. – 357, в 2019 г. – 392, в 2020 г. – 216, в 2021 г. – 188, в 2022 г. – 320, в первом полугодии 2023 г. – 583). Такая реакция следователей на принятые прокурором решения наблюдалась в 76,3 % случаев от общего количества отмененных постановлений о возбуждении уголовных дел. В течение этого же временного периода было зафиксировано 4656 фактов обжалования ими решений прокуроров о возвращении уголовного дела (в том числе в 2018 г. – 1359, в 2019 г. – 1319, в 2020 г. – 686, в 2021 г. – 70, в 2022 г. – 674, в первом полугодии 2023 г. – 548), которые они принимали, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, что составило 43,04 % от общего количества возвращенных ими уголовных дел [21].

Значительное количество обжалуемых следователями решений прокуроров свидетельствует о наличии целого ряда вопросов, возникающих не только в связи с использованием следователем своего права, предусмотренного п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, но и при реализации прокурором надзорных полномочий по отмене решений следователя. Анализ вышеизложенных статистических данных позволяет утверждать, что ныне действующий механизм разрешения процессуальных разногласий, возникающих между следователем и прокурором, не в состоянии полностью их устранить. Противоречия и вызванные ими последствия характерны для вполне конкретных следственных ситуаций, требующих углубленного осмысления процессуалистами. К таковым следует отнести: принятие следователем повторного решения о возбуждении уголовного дела после отмены прокурором аналогичного постановления, вынесенного следователем ранее по тому же самому поводу; произвольное укрупнение следователем пределов обжалования при направлении вышестоящему прокурору возражений в связи с отменой прокурором принятых им решений об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела; инициирование следователем обжалования решений прокурора частными лицами и оказание им в этом практической помощи; оставление без рассмотрения жалоб следователей на постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия и некоторые другие.

Согласно ч. 4 ст. 221 УПК РФ постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано последним в течение 72 часов с момента поступле-

ния к нему уголовного дела с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии сего решением – Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). Вышестоящий прокурор в течение десять суток с момента поступления соответствующих материалов обязан вынести постановление либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, либо об отмене постановления нижестоящего прокурора. В последнем случае он утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд [22, с. 46]. Однако в следственной практике обжалование таких решений нередко приобретает затяжной характер. Средний срок обжалования следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела составляет около двадцати пяти суток, а при повторном обжаловании – более сорока пяти суток. Обжалование решения в Генеральной прокуратуре Российской Федерации иногда занимает около восьмидесяти пяти суток. При обжаловании решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела средний срок рассмотрения жалобы следователя составляет более пятнадцати суток, при повторном обжаловании он достигает почти сорока суток, а обжалование этого решения Генеральному прокурору Российской Федерации – пятидесяти суток.

Чрезмерная длительность таких сроков отчасти объясняется тем, что следователь вправе обжаловать решения прокурора только с согласия руководителя следственного органа, получение которого связано с определенными временными затратами. Избежать их нет никакой возможности, поскольку без такого согласия обращение следователя будет лишено юридической силы, невзирая на то, что он обладает процессуальной самостоятельностью и несет персональную ответственность за ход и результат предварительного расследования. С учетом данных обстоятельств в органах прокуратуры Российской Федерации действует правило, согласно которому правом на обжалование решений прокурора может воспользоваться только тот следователь, который осуществляет производство по сообщению о преступлении или уголовному делу, а его несоблюдение исключает вынесение прокурором какого-либо процессуального решения [23]. В отличие от законодательно закрепленной необходимости согласования обжалования следователем решений прокурора со своим непосредственным руководителем, данное правило нами расценивается как вполне рациональное, не ущемляющее процессуальной самостоятельности следователя и не приводящее к превышению пределов разумных сроков обжалования.

Для того чтобы избежать чрезмерного и необоснованного промедления при разрешении жалоб следователя на решения прокурора, необходимо исключить из п. 5 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ указания на его обязанность подавать свои жалобы «с согласия руководителя следственного органа». Полагаем, что здесь присутствует ресурс для укрепления процессуальной самостоятельности следователя. Поэтому для повышения эффективности процесса реализации его права на обжалование следует признать необходимым и достаточным направление им обычного письменного уведомления руководителю следственного органа о факте состоявшегося обжалования конкретного решения прокурора с одновременным направлением ему копии соответствующей жалобы. Также представляются весьма интересными широко обсуждаемые в процессуальном сообществе идеи о наделении следователя правом обжалования в судебном порядке решений руководителя следственного органа, вышестоящего прокурора и суда, которые он считает незаконными и необоснованными, и о наделении прокурора полномочиями по разрешению жалоб сле-

дователя на указания руководителя следственного органа, ограничивающие его процессуальную самостоятельность [24–26].

Анализ полномочий следователя по обжалованию решений прокурора, принятых на досудебных стадиях уголовного процесса, убеждает в необходимости совершенствования некоторых нормативных предписаний действующего уголовно-процессуального законодательства. Принципиальными видятся: повышение уровня процессуальной самостоятельности следователя; признание за ним права на обжалование промежуточных судебных решений в вышестоящую судебную инстанцию; ограничение полномочий руководителя следственного органа по участию в рассмотрении жалоб следователя; наделение прокурора полномочиями по разрешению жалоб следователя на ограничивающие его процессуальную самостоятельность указания руководителя следственного органа. Для этого необходимо последовательно совершенствовать правовую основу обжалования с целью исключения фактов подмены уголовно-процессуального обжалования при производстве по уголовным делам иными правовыми механизмами, специально не предназначенными для обеспечения своевременного осуществления уголовного преследования и соблюдения общей продолжительности уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://epp.genproc.gov.ru/wed/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 25.12.2023).
2. Курышева Н. С. Актуальные вопросы производства по жалобе на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора : моногр. М., 2009. 180 с.
3. Лазарева В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 268 с.
4. Рябоконева С. И. Институты ходатайств и жалоб: один из вопросов неопределенности правовой регламентации // Проблемы права. 2018. № 4 (68). С. 88–92.
5. Юркевич М. А. Обжалование в уголовном судопроизводстве : науч.-практ. пособие. М., 2014. 207 с.
6. Волколупов В. Г. Обжалование процессуальных действий и решений или бездействия властных субъектов в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 332 с.
7. Рудакова С. В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. 564 с.
8. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : моногр. / под ред. В. Н. Григорьева. М., 2022. 448 с.
9. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. 219 с.
10. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. 320 с.
11. Лалиев А. И. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении судом жалоб на действия органов дознания и предварительного следствия // Российский судья. 2010. № 10. С. 4–6.
12. Лугинец Э. Ф. Процессуальная свобода в реализации правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 22–26.
13. Усаров М. И. Право на жалобу как принцип уголовного процесса и средство защиты прав несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
14. Рудакова С. В. Обжалование действий и решений следователя по УПК РСФСР 1922–1923 гг. и УПК РФ 2001 г. // Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию

принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 28 апреля 2023 г.) / сост. А. Г. Харатишвили. СПб., 2023. С. 107–115.

15. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70306506/> (дата обращения: 25.12.2023).

16. Справка о результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан за 2022 год. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/about> (дата обращения: 25.12.2023).

17. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 25.12.2023).

18. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 25.12.2023).

19. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за первые 6 мес. 2023 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.phd?id=5> (дата обращения: 25.12.2023).

20. По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 5-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344215/ (дата обращения: 25.12.2023).

21. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 25.12.2023).

22. Горак Н. В. Прокурор и руководитель следственного органа как субъекты рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и их должностных лиц // Библиотека криминалиста. 2015. № 6 (23). С. 46–50.

23. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17092021-n-544-ob-organizatsii/> (дата обращения: 25.12.2023).

24. Герцен П. О. О праве участников со стороны обвинения на обжалование в апелляционном порядке промежуточных решений суда, вынесенных на досудебном этапе: защита частных и публичного интересов // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 47–50.

25. Химичева О. В., Шаров Д. В. О реализации свободы обжалования в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 99–104.

26. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 204 с.

REFERENCES

1. Statistical data on the main performance indicators of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January–December 2022. *General'naya prokuratura RF: ofitsialnyi sait* [Office of the Prosecutor General of the Russian Federation]. Available at: <http://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>. (In Russ.). (Accessed December 25, 2023).

2. Kurysheva N.S. *Aktual'nye voprosy proizvodstva po zhalobe na deistviya (bezdeistvie) i resheniya doznavatelya, sledovatelya i prokurora: monogr.* [Actual issues of proceedings on a complaint against actions (inaction) and decisions of the inquirer, investigator and prosecutor: monograph]. Moscow, 2009. 180 p.

3. Lazareva V.A. *Zashchita prav lichnosti v ugovnom protsesse Rossii: ucheb. posobie dlya vuzov* [Protection of personal rights in the criminal process of Russia: textbook]. Moscow, 2023. 268 p.
4. Ryabokonev S.I. Institutions of petitions and complaints: one of the issues of uncertainty of legal regulation. *Problemy prava = Issues of Law*, 2018, no. 4 (68), pp. 88–92. (In Russ.).
5. Yurkevich M.A. *Obzhalovanie v ugovnom sudoproizvodstve: nauch.–prakt. posobie* [Appeal in criminal proceedings: study guide]. Moscow, 2014. 207 p.
6. Volkolupov V.G. *Obzhalovanie protsessual'nykh deistvii i reshenii ili bezdeistviya vlastnykh sub"ektov v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk* [Appeal of procedural actions and decisions or inaction of government entities in criminal proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Volgograd, 2022. 332 p.
7. Rudakova S.V. *Ugovno-protsessual'noe obzhalovanie iego sistema v otechestvennom dosudebnom proizvodstve: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Criminal procedural appeal and its system in domestic pre-trial proceedings: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2023. 564 p.
8. Maksimov O.A. *Khodataistva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugovnogo sudoproizvodstva: monogr.* [Petitions and complaints as a form of expression of the purpose of criminal proceedings: monograph]. Ed. by Grigor'ev V.N. Moscow, 2022. 448 p.
9. Shestakova S.D. *Sostyazatel'nost' ugovnogo protsessa* [Adversarial nature of the criminal process]. Saint Petersburg, 2001. 219 p.
10. Smirnov A.V. *Sostyazatel'nyi protsess* [Adversarial process]. Saint Petersburg, 2001. 320 p.
11. Laliev A.I. Problems of the implementation of the principle of competition when considering complaints by the court against the actions of the bodies of inquiry and preliminary investigation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2010, no. 10, pp. 4–6. (In Russ.).
12. Luginets E.F. Procedural freedom in implementation of legal institute of petitions and complaints in criminal proceedings. *Yurist"-Pravoved" = Lawyer-Legal Expert*, 2018, no. 1 (84), pp. 22–26. (In Russ.).
13. Usarov M.I. *Pravo na zhalobu kak printsip ugovnogo protsessa i sredstvo zashchity prav nesovershennoletnikh obvinyaemykh i poterpevshikh v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The right to a complaint as a principle of criminal procedure and a means of protecting the rights of juvenile defendants and victims at the stage of preliminary investigation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2004. 27 p.
14. Rudakova S.V. Appeal of the actions and decisions of the investigator under the 1922–1923 Criminal Procedural Code of the RSFSR and the 2001 Criminal Procedural Code of the Russian Federation. In: *Pervye ugovno-protsessual'nye kodeksy: k 100-letiyu prinyatiya UPK RSFSR 1922–1923 gg.: materialy Vseros. nauch.–prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2023 g.)* [The first criminal procedural codes: to the 100th anniversary of the adoption of the 1922–1923 Criminal Procedural Code of the RSFSR: materials of the All-Russian Science and Practice Conference with the International participation (Saint Petersburg, April 28, 2023)]. Comp. by Kharatishvili A.G. Saint Petersburg, 2023. Pp. 107–115. (In Russ.).
15. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 2 iyulya 2013 g. № 16-P Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii chasti pervoi stat'i 237 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina Respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda* [The decision of the Constitutional Court of Russia. No. 16-P of July 2, 2013 in the case of checking constitutionality of the Provisions of Part One of Article 237 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan Gadaev B.T. and the request of the Kurgan Regional Court]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70306506/> (accessed December 25, 2023).
16. Data on the results of the work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation on the consideration of citizens' appeals for 2022. *Ofitsial'nyi sait Sledstvennogo komiteta RF* [Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation]. Available at: <https://sledcom.ru/about/> (accessed December 25, 2023).
17. *Statisticheskie dannye ob osnovnykh pokazatelyakh deyatel'nosti organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2022 g.* [Statistical data on key indicators of the

activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January–December 2022] Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (accessed December 25, 2023).

18. *Obzor sudebnoi statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei v 2022 godu* [Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates in 2022]. Available at: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (accessed December 25, 2023).

19. *Osnovnye statisticheskie pokazateli deyatel'nosti sudov obshchei yurisdiktsii za pervye 6 mes. 2023 goda* [Key statistical indicators of the activity of courts of general jurisdiction for the first 6 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php&id=5> (accessed December 25, 2023).

20. *Opreделение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 No. 5-О "По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение конституционных прав част'ю первой стат'и 125 и част'ю четвертой стат'и 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-О of January 14, 2020 "On the complaint of citizen Anna N. Marina for violation of constitutional rights by Part 1 of Article 125 and Part 4 of Article 221 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344215/ (accessed December 25, 2023).

21. Statistical data on key indicators of activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. *Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at: <http://crimestat.ru/analytics> (In Russ.). (Accessed December 25, 2023).

22. Gorak N.V. The prosecutor and the head of investigatory body as subjects of complaints to action (inaction) and to decisions of the bodies of preliminary investigation and their officials. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2015, no. 6 (23), pp. 46–50. (In Russ.).

23. *Prikaz General'nogo prokurora RF от 17 sentyabrya 2021 g. No. 544 "Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za protsessual'noi deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya"* [Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 544 of September 17, 2021 "On the organization of prosecutorial supervision of procedural activities of preliminary investigation bodies"]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17092021-n-544-ob-organizatsii/> (accessed December 25, 2023).

24. Gertsen P.O. On the right of the accused parties to an appeal of interim court decisions made at the pre-trial stage: protection of private and public interests. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2020, no. 16, pp. 47–50. (In Russ.).

25. Khimicheva O.V., Sharov D.V. Appeal freedom realization in the criminal proceedings. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 1 (49), pp. 99–104. (In Russ.).

26. Chervotkin A.S. *Promezhutochnye sudebnye resheniya i poryadok ikh peresmotra v rossiiskom ugolovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Interim court decisions and the procedure for their review in the Russian criminal process: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 204 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Criminal Procedure Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Статья поступила 24.12.2023

Научная статья

УДК 347.63

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.020

Актуальные вопросы правового регулирования установления отцовства в Российской Федерации

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование установления отцовства в Российской Федерации, анализируются положения действующего законодательства и сложившаяся судебная практика, а также проблемы, возникающие в связи с наличием пробелов в данной сфере. Отмечается, что применение презумпции отцовства не всегда отвечает интересам родителей и ребенка.

Ключевые слова: отец; брак; отцовство; презумпция; свидетельство о рождении; алименты.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Для цитирования: Онищенко И. С., Федорова А. В. Актуальные вопросы правового регулирования установления отцовства в Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 163–168. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.020.

Original article

Topical Issues of Legal Regulation of Establishing Paternity in the Russian Federation

IRINA S. ONISHCHENKO

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia

North-Western Institute of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia

onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

© Онищенко И. С., Федорова А. В., 2024

ANASTASIYA V. FEDOROVA

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Abstract. The article considers legal regulation of establishing paternity in the Russian Federation, analyzes provisions of current legislation and established judicial practice, as well as problems associated with the presence of gaps in this area. It is noted that the use of paternity presumption does not always meet the interests of parents and children.

Key words: father; marriage; paternity; presumption; birth certificate; alimony.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

For citation: Onishchenko I.S., Fedorova A. V. Topical issues of legal regulation of establishing paternity in the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 163–168. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.020.

В современном мире особую значимость приобретают вопросы отцовства в связи с кризисом института семьи, ростом числа разводов и повторно заключаемых браков.

В семейном праве существует понятие «презумпция отцовства». Это означает, что, когда ребенок рождается в браке (а также в течение 300 дней с момента его расторжения, признания недействительным или смерти супруга), супругам нет необходимости доказывать происхождение ребенка, то есть отцом автоматически признается супруг (бывший супруг) (ч. 2 ст. 48 СК РФ).

В ч. 3 ст. 48 СК РФ регулируется порядок признания отцовства в тех случаях, когда брак не зарегистрирован. Для того чтобы официально признать данный юридический факт, необходимо осуществить следующие действия:

– обоим родителям подать совместное заявление в орган ЗАГС, в том числе в период беременности;

– только отцу обратиться в орган ЗАГС (причем в данном случае необходимо одобрение органа опеки и попечительства). Данный порядок предусмотрен для тех случаев, когда мать умерла, признана судом недееспособной, ее место нахождения неизвестно или она лишена родительских прав. При этом можно отметить, что закон защищает и права ребенка, который достиг совершеннолетия, вводя запрет на установление отцовства без его согласия;

– в судебном порядке в случае отсутствия согласия предполагаемого отца или его смерти. В последнем случае устанавливается факт признания отцовства, как правило, в целях реализации наследственных прав ребенка.

Аналогичные основания регистрации заявления об установлении отцовства прописаны и в ст. 48 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

Таким образом, установление отцовства возможно двумя способами:

– добровольным, когда отец (биологический или нет) выражает свое согласие быть записанным в этом качестве в свидетельстве о рождении и нести все связанные с этим статусом обязанности (воспитывать, содержать и т. п.);

– принудительным, то есть через суд. В таком порядке разрешаются вопросы установления отцовства и в тех случаях, которые не охвачены вышеуказанными нормами. Например, в суд могут обратиться не только родители, но и другие заинтересованные лица. Так,

в случае отсутствия брака и заявления родителей в суд могут обратиться опекуны (попечители), иные лица, на иждивении которых находится ребенок, или он сам после наступления совершеннолетия.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ суд устанавливает факт признания отцовства. Этот факт имеет юридическое значение для получения наследства, назначения пенсии по случаю смерти кормильца, возмещения вреда. Данный факт подлежит установлению в судебном порядке на основании ст. 50 СК РФ, если мужчина, который признавал себя отцом ребенка, умер и при этом не состоял в браке с матерью. В суде необходимо доказать факт смерти, отсутствие зарегистрированного брака, факт признания отцовства, правовую цель установления факта, а также отсутствие спора о праве. Например, М. обратилась в суд с требованиями об установлении факта признания отцовства, указав, что с 2013 по 2017 г. она проживала в незарегистрированном браке с Л. В этот период у них родился сын. Отчество ребенку было дано по указанию истца из имени биологического отца, однако в связи с тем что они не состояли в зарегистрированном браке, в свидетельстве о рождении ребенка отсутствует запись об отце. М. и Л. проживали совместно и вели общее хозяйство, Л. признавал ребенка своим сыном, заботился о нем, принимал участие в его воспитании и содержании. В 2017 г. он умер, а М. просила установить признание отцовства, что необходимо ей для назначения пенсии по случаю потери кормильца. Суд заявление удовлетворил [1].

При этом следует отметить, что в семейном законодательстве не урегулирован вопрос подачи заявления о том, что супруг не является отцом ребенка. Отсутствие подобной нормы является пробелом в законодательстве и усложняет процедуру установления отцовства по желанию отца [2, с. 57].

Как было отмечено ранее, отцом автоматически признается лицо, которое состоит в браке с матерью ребенка. В ситуации, если супруг не признает ребенка и на самом деле не является его отцом, то оспорить запись об отцовстве необходимо будет в судебном порядке, что потребует дополнительных затрат времени. Например, К. обратилась в суд с заявлением, указав, что родила дочь от нынешнего супруга в тот период, когда не был официально расторгнут брак с предыдущим. В этой связи дочь была записана на бывшего мужа. К. просила суд исключить из графы отца ребенка и записать его на фамилию матери. Исковые требования были удовлетворены [3].

Д. Д. Бабаян и Н. В. Кононенко предлагают обратиться к опыту Республики Беларусь, где отцовство устанавливается путем подачи совместного заявления обоим родителям. Следовательно, презумпции отцовства не предусмотрено. Также супруги могут подать отдельные заявления о том, что нынешний супруг не является отцом. В этой связи авторы указывают, что презумпция отцовства, принятая в российском семейном праве, не всегда оправдана, поскольку муж может не являться биологическим отцом ребенка, однако обязанности отца будут возложены именно на него, что будет нарушать его интересы. Д. Д. Бабаян и Н. В. Кононенко называют такую ситуацию «вынужденным юридическим отцовством» [4, с. 30].

По этому поводу Т. А. Мосиенко и Л. А. Карагезян отмечают, что в ряде случаев мать знает о том, что официальный отец таковым не является, но записывает его в качестве отца в свидетельстве о рождении. Такой человек может длительное время воспитывать и содержать чужого ребенка, узнав позже об этом факте. Авторы считают, что для таких случаев следует предусмотреть возможность требования компенсации морального вреда и воз-

мещения расходов, которые обманутый отец понес на содержание чужого ребенка и его матери [5, с. 28].

Другой крайностью при установлении отцовства является неподтверждение этого факта по результатам генетической экспертизы. При этом мужчина, который был вынужден проходить через эти процедуры, судебные разбирательства, также может испытывать нравственные и моральные страдания, связанные, например, с осуждением родственников, коллег и общества. В этой связи такой человек также мог бы претендовать на компенсацию морального вреда, если будет установлено, что мать ребенка, с которой он не состоит в браке, знала, что мужчина отцом не является, но при этом обратилась в суд с иском об установлении отцовства.

После процедуры установления отцовства, как правило, меняется отчество ребенка, однако встречаются случаи, когда на это не согласен сам ребенок. В этом случае имеет место столкновение интересов ребенка и отца. З. А. Ахмедова и Б. Р. Тарикова считают, что здесь необходимо встать на сторону отца и поменять ребенку отчество, поскольку последний в силу своей физической и социальной незрелости еще не в состоянии оценить ситуацию со всех сторон [6, с. 102].

Установление отцовства влечет различные правовые последствия, причем не только семейно-правовые. Оно влияет на жилищные обязательства, наследственные правоотношения, вопросы социального обеспечения. Некоторые матери хотят установить отцовство лишь с единственной целью – получение алиментов на содержание ребенка. Например, У. обратилась в суд с исковым заявлением об установлении отцовства И. в отношении сына и взыскании алиментов на него в твердой денежной сумме в размере 5 тыс. руб. Так как на момент рождения ребенка брак между истцом и ответчиком не был зарегистрирован, в графе «отец» стоял прочерк. При этом ответчик не признает отцовства, не оказывает никакой материальной помощи на содержание их малолетнего сына. Суд учел, что кроме показаний самой истицы факт отцовства достоверно подтверждается исследованными в судебном заседании письменными и иными доказательствами и удовлетворил иск [7].

Однако следует помнить, что после установления отцовства отец приобретает не только обязанности, но и права по отношению к нему. В частности, он может обратиться в суд с иском о совместном проживании с ребенком; выезд ребенка за рубеж будет возможен только с разрешения отца. Данные моменты могут быть использованы недобросовестным отцом во вред ребенку без веских на то причин. По этому поводу в научной доктрине высказываются предложения о лишении биологического отца родительских прав в случае невыполнения им родительских обязанностей по воспитанию [8, с. 37], что не лишено смысла.

Таким образом, правовое регулирование установления отцовства имеет важное значение в современном мире. При этом необходимо своевременно восполнять правовые пробелы, приводящие к возникновению противоречий, которые сказываются негативно и на родителях, и на интересах ребенка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Решение Химкинского городского суда Московской области № 2-6892/2019 2-814/2020 2-814/2020(2-6892/2019;)-М-6487/2019 М-6487/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 2-6892/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UwPPrlq6uDWx/?ysclid=lpb1atxfhz579207683> (дата обращения: 10.11.2023).

2. Кудрявцева Л. В., Приходько Е. Г. Российское коллизионное законодательство в сфере брачно-семейных отношений: актуальные проблемы и пути совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 57–60.
3. Решение Шамильского районного суда Республики Дагестан № 2-300/2021 2-300/2021-М-287/2021 М-287/2021 от 16 ноября 2021 г. по делу № 2-300/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ije1XxerLgIV/> (дата обращения: 10.11.2023).
4. Бабаян Д. Д., Кононенко Н. В. Проблемы установления отцовства (материнства) по семейному законодательству // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-4. С. 30–32.
5. Мосиенко Т. А., Карагезян Л. А. Актуальные проблемы, возникающие при установлении отцовства // Colloquium-Journal. 2019. № 12-10 (36). С. 28–30.
6. Ахмедова З. А., Тарикова Б. Р. Проблемные аспекты установления отцовства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. № 3. С. 102–108.
7. Решение Шамильского районного суда Республики Дагестан № 2-257/2020 2-257/2020-М-228/2020 М-228/2020 от 7 октября 2020 г. по делу № 2-257/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s3GqyXhqNjVu> (дата обращения: 10.11.2023).
8. Левша В. С. Особенности установления происхождения детей лицами, не состоящими в официально зарегистрированном браке // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 4 (8). С. 37–40.

REFERENCES

1. *Reshenie Khimkinskogo gorodskogo suda Moskovskoi oblasti № 2- 6892/2019 2-814/2020 2-814/2020(2-6892/2019;)-M-6487/2019 M-6487/2019 ot 11 fevralya 2020 g. po delu № 2-6892/2019* [Decision of the Khimkinsky City Court of the Moscow Oblast No. 2-6892/2019 2-814/2020 2-814/2020(2-6892/2019;)-M-6487/2019 M-6487/2019 of February 11, 2020 in case No. 2-6892/2019]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/UwPPrlq6uDWx/?ysclid=lpb1atxfh579207683> (accessed November 10, 2023).
2. Kudryavtseva L.V., Prikhod'ko E.G. Russian collisional law in the field of marriage-family relations: topical problems and ways to improve. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2020, no. 1, pp. 57–60. (In Russ.).
3. *Reshenie Shamil'skogo raionnogo suda Respubliki Dagestan № 2-300/2021 2- 300/2021-M-287/2021 M-287/2021 ot 16 noyabrya 2021 g. po delu № 2-300/2021* [Decision of the Shamilsky District Court of the RD No. 2-300/2021 2- 300/2021- M-287/2021 M-287/2021 of November 16, 2021 in case No. 2-300/2021]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/ije1XxerLgIV/> (accessed November 10, 2023).
4. Babayan D.D., Kononenko N.V. Problems of establishing paternity (motherhood) according to family legislation. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2023, no. 93-4, pp. 30–32. (In Russ.).
5. Mosienko T.A., Karagezyan L.A. Current problems arising in the establishment of paternity. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 12–10 (36), pp. 28–30. (In Russ.).
6. Akhmedova Z.A., Tarikova B.R. Problematic aspects of establishing paternity. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki = Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*, 2019, no. 3, pp. 102–108. (In Russ.).
7. *Reshenie Shamil'skogo raionnogo suda Respubliki Dagestan № 2-257/2020 2-257/2020-M-228/2020 M-228/2020 ot 7 oktyabrya 2020 g. po delu № 2-257/2020* [Decision of the Shamilsky District Court RD No. 2-257/2020 2- 257/2020-M-228/2020 M-228/2020 of October 7, 2020 in case No. 2-257/2020]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/s3GqyXhqNjVu> (accessed November 10, 2023).

8. Levsha V.S. Peculiarities of of the origin of children, persons not being officially married. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii = Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2013, no. 4 (8), pp. 37–40. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА – курсант третьего курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

IRINA S. ONISHCHENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, associate professor at the Department of Civil Law and Civil Procedure of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

ANASTASIYA V. FEDOROVA – 3d year cadet of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Статья поступила 20.01.2024

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.021

Международно-правовая и политическая оценка тенденций развития Интерпола

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТАРАНЕЦ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые международно-правовые и политические аспекты развития Интерпола в краткосрочной перспективе. Отмечается, что Интерпол сталкивается с прогрессирующими вызовами современности, для качественного ответа на которые организации необходимо уделять особое внимание развитию своего цифрового присутствия и методов борьбы с киберпреступлениями, не забывая при этом о классических методах борьбы с транснациональной преступностью. Статья содержит некоторые теоретические рекомендации, исполнение которых способно оптимизировать деятельность организации.

Ключевые слова: Интерпол; информационная безопасность; инновации, киберпреступность; транснациональная преступность; международное право.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Мишальченко М. Ю., Таранец В. А. Международно-правовая и политическая оценка тенденций развития Интерпола // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 169–175. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.021.

Original article

International Legal and Political Assessment of the Interpol Development

YURII V. MISHAL'CHENKO

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

MARIYA YU. MISHAL'CHENKO

State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia,
mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

VYACHESLAV A. TARANETS

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Abstract. The article considers some international legal and political aspects of the Interpol development in the short term. Interpol faces progressive challenges of our time, for a qualitative response to which the organization needs to pay special attention to the development of its digital presence and methods of combating cybercrime, while not forgetting classic methods of combating transnational crime. The article contains some theoretical recommendations, the implementation of which can optimize the activities of Interpol.

Keywords: Interpol; information security; innovations, cybercrime; transnational crime; international law.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.5. International law sciences.

For citation: Mishal'chenko Yu.V., Mishal'chenko M.Yu., Taranets V.A. International legal and political assessment of the Interpol development. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 169–175. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.021.

Интерпол, обладая уникальным статусом международной организации с широчайшей географией присутствия, но лишенной (по крайней мере на бумаге) политического веса или инициативы, сталкивается с рядом вызовов, связанных с непрерывным развитием окружающей действительности. Тренд на цифровизацию в совокупности с некоторыми другими новшествами современной системы международных правоотношений подталкивает Интерпол к изменениям, которые могут быть расценены в качестве адекватного ответа организации на наиболее громкие вызовы современности. В статье будут рассмотрены некоторые направления развития международной организации уголовной полиции.

Один из главных вызовов, с которым Интерполу предстоит справиться в ближайшие годы, – острая потребность в повышении степени транспарентности внутренних процессов наряду с обеспечением более полного представления о деятельности организации в глазах общественности. С подобным вызовом сегодня сталкиваются практически все крупные международные институты – степень гражданственности растет, общество ста-

новится все более вовлеченным в политику и международные отношения. Причина этого в широком распространении СМИ нового типа: различных каналов, групп, чатов и рассылок, а также появлении возможности получать прямой доступ к позициям лидеров общественного мнения (корреспондентов, экспертов, исследователей и ученых) из разных сфер. Населению теперь недостаточно лишь официальных позиций и сухих выжимок в классических средствах массовой информации [1]. В случае если Интерпол проигнорирует данную тенденцию, он рискует стать заложником ситуации, в которой понесет существенные имиджевые потери, предоставив право говорить о себе каналам, не относящимся напрямую к организации, но активно анализирующим его актуальную деятельность и преподносящим информацию аудитории в выгодной для себя форме. Для недопущения подобного развития событий Интерполу стоит провести качественную, глубокую работу по повышению транспарентности процессов внутри организации с тем, чтобы перехватить инициативу и самостоятельно формировать имидж в глазах общественности, не передавая инициативу сторонним источникам и аналитическим центрам нового типа. Однако для Интерпола здесь присутствует дополнительное препятствие, а именно большое количество засекреченной либо оперативной информации, несвоевременное освещение которой может существенно осложнить деятельность международной организации уголовной полиции на современном этапе. Более того, Интерполу может быть достаточно сложно провести консолидированную работу по данному направлению ввиду межведомственного характера его деятельности. Возможно, не так просто будет выработать общие правила, которые устроили бы всех участников организации, многие из которых представляют принципиально разные правовые и политические культуры.

Второй вызов для организации практически напрямую связан с предыдущим. Его суть заключается в том, что современные субъекты международных правоотношений чуть ли не открыто подталкивают Интерпол к так называемому выбору стороны в современном многополярном мире. Дело в том, что в современной системе международного права существуют глубокие, порой неразрешимые кризисы, как старые (к примеру, арабо-израильский конфликт), так и новые (попытка отменить русский язык и русскую культуру), но при этом международные акторы, напрямую участвующие в таких международных противоречиях, активно участвуют в деятельности Интерпола на современном этапе. И если подобная тенденция в другой организации (к примеру, в рамках ООН) подразумевает деление на группы интересов и конфликт мнений, то в рамках Интерпола подобное противостояние может носить деструктивный для деятельности организации характер, так как ее работа в первую очередь зависит от кооперации различных национальных полицейских ведомств, так или иначе находящихся под влиянием интересов своего национального правительства. С целью предотвращения внутреннего конфликта внутри организации Интерполу стоит и далее придерживаться своих аполитичных позиций, укрепляя существующие и создавая новые связи между ведомствами и государствами в рамках своей структуры.

Перечисленные выше вызовы с известной степенью уверенности можно отнести к проблемам скорее институционального характера. Однако Интерпол сталкивается и с более практико-ориентированными проблемами, к примеру с потребностью в обновлении своего информационно-технологического компонента. Существующая на данный момент инфраструктура информационных технологий, обеспечивающая надлежащую и бесперебойную деятельность международной организации уголовной полиции, нуждается в оптимизации. Подобная оптимизация тоже может выступать в качестве практического вызова, так как сопряжена с некоторыми рисками, связанными, в первую очередь, с высокой секретностью

внутренних разработок организации и ограниченным доступом к ее базам данных. Для надлежащей оптимизации Интерпол должен создать собственную систему информационных технологий, с тем чтобы не выносить информацию за пределы Интерпола (такая разработка называется *outsourcing*, она подразумевает подписание соглашения о неразглашении и передачу права на разработку сторонней компании), с чем связаны риски утечек. Стоит отметить, что в рамках глобального комплекса инноваций Интерпол частично покрывает потребности в решении данной задачи, что позволяет сделать вывод о том, что организация находится на верном пути и сумеет привести свою внутреннюю информационную систему к наиболее актуальным международным стандартам в области разработки программного обеспечения с использованием искусственного интеллекта.

Наконец, один из наиболее громких практических вызовов, с которым Интерпол сталкивается на сегодняшний день, – острая потребность в расширении методов превентивной и оперативной борьбы с новыми видами преступлений, многие из которых относятся к информационным технологиям, криптовалютам, блокчейну и иным трендам современной IT-индустрии [2]. Если в области борьбы с классическими уголовными преступлениями Интерпол располагает широким спектром наработок ведущих полицейских служб со всего мира, что позволяет ему качественно справляться с обычными нарушениями правопорядка, то в области информационных преступлений лишь предстоит нарабатывать подобный арсенал. Для надлежащего ответа на этот вызов Интерполу предстоит перебороть внутреннее геронтократическое сопротивление восприятию информационных преступлений в качестве столь же опасных, как и преступления классические, раскрытием и предотвращением которых Интерпол занимается практически с момента своего учреждения в начале предыдущего столетия. Невнимание к такому тренду может привести к серьезным имиджевым потерям и утрате организацией своего статуса, что недопустимо при всей значимости Интерпола в борьбе с транснациональной преступностью. Здесь снова хотелось бы вспомнить об инициативе создания глобального комплекса инноваций, расположенного в Сингапуре [3]. Данный комплекс занимается в том числе лоббистской деятельностью по привлечению внимания руководства Интерпола к важности информационных преступлений, подчеркивая при этом взаимосвязь с классическими преступлениями, так как в наши дни практически все нарушения правопорядка так или иначе связаны с информационной средой. К таким нарушениям стоит отнести международный терроризм, транснациональную организованную преступность, кибершпионаж. Например, международный наркотрафик успешно осваивает новые способы распространения наркотических веществ через слабо контролируемый Интернет. Интерпол может справиться с этим вызовом и стать настоящим оплотом знаний о преступлениях, совершаемых в информационной среде, а также своего рода центром для разработки практик превентивной работы по предотвращению подобных преступлений.

Следует выделить некоторые перспективные направления дальнейшего развития Интерпола. Наличие подобных трендов позволит оценить жизнеспособность и потенциал организации в обозримом будущем, что крайне важно для общей оценки деятельности организации и релевантности ее правового статуса на современном этапе.

В качестве первого направления стоит выделить повышение внимания к вопросу кибербезопасности, в рамках которого Интерпол должен продолжить расширять свое участие в вопросе борьбы с преступлениями, совершаемыми в цифровой среде. Помимо сотрудничества со странами в рамках своей структуры Интерпол также должен озаботиться вопро-

сом развития партнерства с ведущими технологическими компаниями в целях повышения уровня собственной экспертизы и авторитета в области противостояния киберугрозам.

Другой тренд, который однозначно будет сопровождать деятельность Интерпола в обозримом будущем, – расширение и укрепление трансграничного сотрудничества с целью повышения эффективности борьбы с криминальной деятельностью повсеместно. Интерполу, возможно, удастся продолжить свою деятельность в аполитичном русле, преследуя в первую очередь преступников, а не политические интересы. Подобная практика позволит существенно укрепить существующие связи и создать новые, а в условиях динамично меняющегося мира со все большим количеством международных конфликтов подобный инструмент сотрудничества может иметь ключевое значение для дальнейшего развития современной системы международных правоотношений в новом формате.

Стоит также отметить, что Интерполу предстоит выработать новую, более четкую и многоступенчатую стратегию дальнейшей деятельности и развития организации. Наличие такого программного документа необходимо для любой межправительственной организации, и поэтому его наличие для Интерпола действительно трудно недооценить. В рамках такого стратегического документа должны быть рассмотрены ключевые вызовы современности, с которыми сталкивается Интерпол. Более того, такая программа должна включать в себя четкую дорожную карту развития организации, которая позволит ей оставаться полезной и актуальной для государств. Ее примерные элементы могут включать в себя такие меры, как:

- углубление сотрудничества с другими странами для разработки новых методов борьбы с киберпреступлениями [4];
- усиление работы в области борьбы с международным терроризмом и другими формами транснациональной преступности;
- дальнейшее развитие международной базы данных с биометрическими данными и иными новейшими разработками криминалистики;
- развитие средств пресечения и расследования международного финансового мошенничества (в том числе с применением блокчейн технологий для обеспечения прозрачности и безопасности транзакций);
- разработка международных стандартов протокола для обмена информацией между правоохранительными органами разных стран;
- усиление кадровой подготовки;
- развитие партнерства с многонациональными корпорациями с целью использования их производственных мощностей и технологий.

Следующее направление в развитии Интерпола в обозримом будущем – развитие собственных уникальных технологий. Интерпол должен продолжать применять и развивать собственные технологии и разработки для более успешной охраны международного правопорядка и обеспечения безопасности граждан. В данный момент организации удалось инкорпорировать в свою деятельность такие наработки, как работа с биометрическими данными; проведение онлайн-консультаций с НЦБ (это стало особенно актуальным во время пандемии); создание коллаборативных платформ в сети, в рамках деятельности которых полицейские ведомства различных стран могут оперативно обмениваться информацией под эгидой Интерпола, но вне полного погружения в его информационную систему; применение искусственного интеллекта для работы с большим объемом данных и выявления закономерностей и взаимосвязей между преступниками и преступлениями, а также качественный и тщательный мониторинг социальных сетей с целью раннего предотвраще-

ния потенциальных правонарушений [5]. Однако практически ежедневно возникают новые вызовы, с которыми Интерполу только предстоит познакомиться.

Интерполу необходимо продолжить международное сотрудничество по совершенствованию своих методик и технологий с тем, чтобы более качественно заниматься охраной международного правопорядка как в оперативном, так и в превентивном направлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Важенина И. В., Ефимова О.И. Исторические и организационно-правовые аспекты международного сотрудничества в правоохранительной сфере // Академическая мысль. 2022. № 4. С. 82–88.
2. Безручко Е. В., Ходусов А.А. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных средств: философско-правовое конструирование эффективных классификаций // Философия права. 2020 № 3 (94). С. 89–95.
3. Мысина А. И. Международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров, специализирующихся на вопросах противодействия преступлениям в сфере информационных технологий // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 178–180.
4. Бондарь Е. О. Киберпреступность как новая криминальная угроза / Е. О. Бондарь // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 155–158.
5. Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол: правовые основы организации и деятельности. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=644215&soch=1> (дата обращения: 10.04.2023).

REFERENCES

1. Vazhenina I.V., Efimova O.I. Historical and organizational and legal aspects of international law enforcement cooperation. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2022, no. 4, pp. 82–88. (In Russ.).
2. Bezruchko E.V., Khodusov A.A. Crimes committed using information and telecommunication means: philosophical and legal formation of effective classifications. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2020, no. 3 (94), pp. 89–95. (In Russ.).
3. Mysina A.I. International cooperation in the field of training police personnel specializing in countering crimes in the field of information technology. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogy of Official Activity*, 2020, no. 4, pp. 178–180. (In Russ.).
4. Bondar' E.O. Cybercrime as a new global criminal threat. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 155–158. (In Russ.).
5. Volevodz A.G. *Mezhdunarodnaya organizatsiya ugovolnoĭ politzii – Interpol: pravovye osnovy organizatsii i deyatel'nosti* [International Criminal Police Organization – Interpol: legal foundations of organization and activity]. Available at: <http://viperson.ru/wind.php?ID=644215&soch=1> (accessed April 10, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

YURIY V. MISHAL'CHENKO – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО – ассистент кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

ВЯЧЕСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТАРАНЕЦ – аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

MARIYA YU. MISHAL'CHENKO – Assistant at the Department of Civil and Commercial Law of the State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5812-0748>

VYACHESLAV A. TARANETS – Postgraduate Student at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Статья поступила 26.01.2024

